

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

ДЛАДНЬ
ГОСПОДНЯ

Путь
инквизитора

Путь инквизитора

Борис Конофальский

Длань Господня

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Длань Господня / Б. Конофальский — «Издательство АСТ»,
2022 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-151071-8

Он – Длань Господня. Рыцарь, который не приемлет пустых правил традиционного кодекса, но действует в соответствии с внутренним понятием о чести и справедливости. Его беззаветно любят сторонники, боятся и отчаянно ненавидят враги. Он тот, кто способен преломить ход истории. Ярослав Волков, бывший простой солдат, теперь владелец Эшбахта, готов защищать свою честь и своих людей, он не умеет подставлять правую щеку, и под его знамена готовы встать те, кто гораздо выше его по положению.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151071-8

© Конофальский Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Борис Конофальский

Длань Господня

© Конофальский Б., 2022

© ООО "Издательство "АСТ", 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Это фэнтези, но в то же время глубочайшая психологическая, очень четкая и ясная проза, написанная великолепным языком... Не читиво. Оторваться невозможно, но заставляет думать. Очень богатый исторический и культурный материал. Для меня Борис Конофальский – открытие».

Максим Шевченко, журналист, политический и общественный деятель, публицист, радиоведущий, видеоблогер

«Несколько раз наткнулся на рекомендации почитать «Инквизитора» Бориса Конофальского. Прочитал. Рекомендую»,
Павел Корнев, писатель

Глава 1

Монах долго осматривал его затылок и шею, просил поворачивать голову, наклонять и задирать ее, трогал, трогал отек, выдавливая из раны кровь, и после этого сказал:

– Думаю, слава богу, кость в шее цела и зашивать рану не нужно... Вдруг начнет гнить, оставлю гною выход. Волосы вокруг выбрею, так рана будет чище. Смажу серной мазью с шалфейем. Болит?

– Терпеть можно, – отвечал кавалер, разминая шею.

– Какая была необходимость в вашей храбрости? – спросил Рене, вертя его помятый шлем в руках. – Я у Бертье спросил, так он говорит, что вы пошли вперед сами.

Рене, Роха и Бертье стояли тут же, молчали, смотрели и слушали монаха, и Максимилиан присутствовал, и еще сержанты. Поэтому разговор, который начал Рене, был Волкову особенно неприятен.

– Туман стоял, – сухо ответил Волков.

– Туман? А может, ты храбрость свою показывал? Так и без того все знают, что ты храбр до безрассудства, – на правах старого знакомого фамильярно «тыкал» ему Игнасио Роха. Он взял из рук Рене шлем Волкова и попытался пальцами вытащить застрявший в затылочной части обломанный шип моргенштерна. У него не вышло, шип сидел намертво.

– Вся наша блестящая победа ничего бы не стоила, если бы вы сейчас были мертвы, – продолжал Рене.

Эти нравоучения раздражали кавалера, а еще монах так противно выскребал рану бритвой, что хотелось заорать на него. Волков едва сдерживался, чтобы не послать офицеров к черту. Только Бертье встал на его сторону:

– Да будет вам, господа, ничего же не произошло, иной раз мне самому хочется встать в первый ряд, взять топор да позабавиться немного, тем более что кавалер пошел вперед из-за

тумана. Я ему сказал, что его место под знаменем, а он ответил, мол, в таком тумане у стяга никто его не увидит и что нужно поглядеть, что впереди.

– Кавалер, – продолжил Рене, – в другом случае мы не смели бы вас упрекать, ваше право, где вам быть во время сражения, но вы наш вождь, а еще наш сеньор. Вы дали нам место для домов на вашей земле, дали нам землю для пахоты, и нам не хочется это терять. Если вас убьют, а вы не оставите наследника, на Эшбахт сядет другой господин. Он может привести своих людей, а нас попросит вон. Так что ваша жизнь – не только ваша.

– Он прав, Фолькоф, – сказал Роха все так же фамильярно. – Ты уж либо заведи наследника, либо не лезь на рожон.

Кавалер молчал. Будь его люди хоть трижды правы, слушать их надоело. Волков оттолкнул руку монаха, который, кажется, закончил брить ему затылок, встал и пошел прочь. Последовать за ним отважились только Максимилиан да монах.

– Господин, разрешите смазать рану! – Брат Ипполит бежал за рыцарем с вонючей склянкой.

Кавалер остановился, дал монаху закончить работу. И тут к нему пришел немолодой сержант из людей Брюнхвальда. Волков помнил его еще по Ференбургу:

– Господин, эти сволочи машут тряпками с того берега.

– Машут? – Волков повернулся, принялся приглядываться.

Солнце уже встало, тумана на реке почти не осталось, дымка легкая, да и только. Другой берег уже можно рассмотреть. Да, с того берега кто-то размахивал белым полотном. И еще один был, махал большой зеленой веткой.

– Вы бы не стояли так, господин, – заметил сержант и сделал шаг вперед, прикрывая Волкова. – Не дай бог, найдется у них хороший арбалетчик, а вы без шлема.

– Нет, – отвечал кавалер, – они стрелять не будут, они хотят мертвяков забрать.

– И что? Отдадим? – спросил сержант.

– Пусть забирают, но ты спроси, чего хотят.

Сержант быстрым шагом направился к реке.

– Эй вы, безбожники, чего вам? – заорал он, подходя к воде.

– Парламентер к вам. Примете? – отозвались с того берега.

– Господин, – обернулся к Волкову сержант, – они спрашивают...

– Пусть едет, – сразу согласился кавалер, он все слышал.

– Господин Эшбахта позволяет вам, безбожники, ступить на его землю! – прокричал сержант.

На лодке с двумя гребцами приплыли с того берега немолодой офицер и горнист. У обоих белые ленты на левых руках. Волков принимал их сидя, Рене, Бертье, Роха стояли за его спиной.

Трубач протрубил «внимание», офицер поклонился и сказал:

– Я ротмистр Майлинг из Перенгира.

– И что вам надобно, ротмистр Майлинг из Перенгира? – спросил Волков и был с ним невежлив, не стал представляться.

– Жены наших людей хотят знать, есть ли такие из наших людей, что остались живы и что сейчас находятся в вашем плену.

– Жены? – злорадно хмыкнул Роха.

– Ваши жены, наверное, знают, что их мужья всегда вели «плохую войну», никого в плен не брали. Отчего же они думают, что с вами будут вести «войну честную»? – ответил Волков.

– Значит, пленных наших у вас нет? – уточнил прибывший офицер.

– Ни единого.

Офицер помолчал, вздохнул и задал новый вопрос:

– Дозволите ли вы забрать тело капитана Пювера? И других павших.

Сначала кавалер не понял, о чем просит приехавший, а когда сообразил, так едва сдержался, чтобы не выказать радость. Неужели и капитан их тут погиб? Какая это радостная новость была. Но при горце Волков радоваться не стал, сдержавшись, он только кивнул великодушно:

– Забирайте всех.

– Вы излишне добры к этим еретикам, кавалер, – заявил Роха, весьма недружелюбно глядя на парламентаря и трубача. – Нужно было послать их к черту. Он их папаша, кажется. А вот этих вот двоих повесить.

Волков только махнул рукой. Нет, он не собирался усугублять неприязнь. Он подумывал о том, что впоследствии, если не придется бежать из Эшбахта, с горцами лучше жить в мире. Ни к чему делать из них кровных врагов. Одно дело – война, и совсем другое дело – ненависть.

– Забирайте, но я не знаю, где ваш капитан, – сказал он. – Может, он в реке.

Когда бой закончился, весь берег у воды оказался усыпан оружием и доспехами, которые горцы сбрасывали с себя, прежде чем кинуться в воду. Доспехи и оружие уже собрали. Мертвяки были уже не нужны, солдаты стащили с них доспехи и годную одежду.

На берегу валялось девятнадцать трупов. Еще семеро были изрублены в трех лодках, и были еще мертвые в воде, но тех никто не считал, может, капитан оказался среди них.

– Я позову сюда людей, – предложил парламентар, – мы поищем капитана.

– Шестерых будет довольно, – ответил кавалер, – и чтобы все пришли без железа.

– Как пожелаете, господин фон Эшбахт. – Офицер горцев поклонился и пошел к лодке.

– Так мы что, и капитана их зарезали? – тихо спросил Бертье, когда парламентар еще не отошел далеко.

– Кажется, что так, – кивнул Волков.

– Ах, какое славное вышло дело, – скалился Роха. – Ни одного убитого у нас, а мы их целую кучу набили, да еще и капитана прикончили. Будут теперь знать, чертовы безбожники, как к нам соваться.

– И то верно, – заметил брат Семион, неожиданно для всех появившийся среди офицеров. – Подумают теперь дети сатаны, как оспаривать волю Божью, как противиться Длани Господней.

Все с ним согласились. Все улыбались, может быть, и иронически, но спорить со святым отцом никто не собирался. И Волков, не боли у него шея, тоже улыбался бы. А сейчас он только морщился от боли, пытаясь крутить головой.

* * *

Люди Волкова занялись приготовлением завтрака: после дела все ощущали голод. Горцы приплыли, стали собирать мертвых. Помимо тех, что были убиты на берегу и в лодках, нашли еще одиннадцать мертвых в реке. Перед тем как отдать этих, Роха потребовал, чтобы с найденных в реке сняли доспехи.

– Моим ребятам не хватает доспехов. Ваши придутся нам кстати. – Скарафаджо словно специально злил приплывших горцев, еще и смеялся при этом.

Горцы с мрачными лицами беспрекословно выполнили требование, хотя он был с ними не только насмешлив, но и груб.

Трижды они плавали на свой берег, отвозили полную лодку трупов, но капитана так и не нашли.

– Многие потонули в реке, там, где глубже, – заметил Бертье, глядя на последнюю уплывающую лодку с мертвецами, – как мы их смяли и загнали в воду, так многие стали уплывать. Видно, не все успели доспех снять или не все плавали хорошо. Вот и капитан их там же, на дне, наверное.

- Лишь бы не выплыл, – отозвался Роха.
- Да, – согласился с ним Рене, – лучше он пусть там лежит, чем здесь ходит.

* * *

Когда солдаты и офицеры стали есть, Волков не присоединился к трапезе. Во-первых, болела шея, голову не повернуть, во-вторых, он не знал, что будут делать горцы дальше. Где они? Часть их все еще топталась на берегу. Лодок у них теперь, конечно, мало, но, черт их знает, может, еще пригонят от Милликона. Там, у пирсов, этих лодок и барж десятки. А вдруг сунутся опять, только не в этом месте. Вряд ли, конечно, такое случится. В этот раз им дали так крепко, что теперь только самый сильный командир осмелится еще раз пробовать высадиться. Интересно, вправду ли капитан погиб, или горцы врут, задумав что-то.

- Черта с два они теперь сунутся, – убедительно говорил Роха.
- Да, – соглашался с ним Бертъе, – разбредутся по своим домам, станут раны зализывать.
- Хорошо бы, если бы так, – поддерживал разговор Рене, – если действительно их капитан погиб, точно разбредутся, пока нового не выберут.

Волков ушел от своих людей, встал на берегу и оттуда смотрел на веселых обедающих солдат. Которым, кстати, нужно было платить за этот поход. Офицерам он платить не соби-рался, они все понимали, знали, что воюют за свои домишки и наделы земли, что им пожа-ловали. А вот с солдатами такое не прошло бы. Двести пятьдесят монет, а то и триста, будь добр, приготовь. И чем дольше он будет держать их на берегу, тем больше придется заплатить. Вместо радости от победы одолевали рыцаря все эти мысли да боль в шее.

Но Господь милостив, прибежал дозорный солдат с западного холма и сказал, что кавалера спрашивают господа, но дозорные их задержали.

- Представились? – насторожился Волков.
- Ага, говорят, что они соседи ваши, зовут их Гренеры.
- Пусти.
- Идите, идите и кланяйтесь, Карл! – говорил сосед своему молодому спутнику, слезая с лошади. – Кланяйтесь этому рыцарю. И я ему поклонюсь.

Оба они кланялись немного обескураженному Волкову. Тот поклонился в ответ.

– Надеюсь, вы помните меня, сосед, – говорил пожилой мужчина, – я был у вас по весне с двумя моими младшими сыновьями.

– Помню, помню, – отвечал кавалер, хотя припоминал этого господина с трудом, – только имя ваше позабыл.

– Гренер, Иоахим Гренер, а это мой сын Карл, мы из поместья Гренер, что в десяти милях отсюда вниз по реке, – говорил пожилой помещик.

- И что же вас привело сюда, друг мой? – спросил его кавалер. – Может, какая нужда?
- Да какая же нужда, наоборот, счастье, добрый мой сосед, счастье, которого я ждал многие годы, и виновник этого счастья – вы.
- Неужели? – не понимал Волков.

– Мужики мои ставят сети прямо сразу за вашей границей, пошли сегодня проверять их, а там мертвяк! Даже два! И по одежке совсем не наши, не лодочники, мы их по исподнему опознали, собаки горные, чтоб им пусто было. Я как раз недалеко был, дети меня и позвали. А пока ехали, так еще нашли двоих, их течением вынесло к траве, к берегу прибило утопленни-ков. Плавают притопленные. Я уже думал, что баржа или лодка перевернулась, может, от жад-ности ее перегрузили дураки, а она и потони. Но нет. Вижу, порубленные двое. Видно, резали их перед тем, как в реку бросить.

Волков молчал, только чуть улыбался, глядя на соседа. И Максимилиан молчал, стоял за его спиной. И сын соседа в беседе не участвовал, слушал отца почтительно.

А Гренер все говорил:

– Гляжу, как туман с реки сошел, так плывет лодка у моего берега, там эти псы горные, мертвяков своих ищут. Кричат нам, не видали ли мы людей, не спасся ли кто. Ну, мы и говорим: вон, дохлые плавают, забирайте, на кой нам ваша дохлятина. Ну, стали они вылавливать мертвых своих. И тут мы из их слов поняли, что крепко они получили. Говорили они, что много потонуло их, говорили, что всех не выловить. Я сразу на вас подумал. Думаю, никак, это мой сосед их проучил. Все же слышали, что вы их ярмарку пограбили, думаю, решили эти дураки сдачи дать, сунулись, а сосед-то мой не промах, опять их умыл. Вот я и крикнул сыну: «Седлай, Карл, коней, поедем, узнаем, как дело было». Всего час езды, и мы тут. Вот и приехали узнать подробности и поздравить вас. Уж расскажите, как тут вышло, я тоже в седле не один год провел под знаменами нашего герцога.

Вся эта речь была полна восхищения и очень радовала кавалера. Правда, последние слова Гренер произнес без должного почтения. Волкову показалось, что не очень-то сосед жалуется курфюрста.

– Рассказывать особо нечего, – отвечал он соседу. – Узнал я, что горцы лодки пригнали сюда, решил поглядеть, к чему это, пришел, а они тут высаживаются. Ну, мы им высадиться не дали. Скинули в реку тех, кто вылез. Вон, три лодки от них тут остались.

– Ах, какой же вы молодец, нам такого тут и надо было, – опять заговорил Гренер. – Не было от них, от задир, житья, разбойники и воры, и сколько на них мы ни жаловались и графу, и герцогу, те отмахивались. Велели мириться с ними. А как мириться с воров? Разве что еще больше ему отдать? А тут вы их и побили.

– Боюсь, дело еще не кончено, – произнес кавалер.

– Не кончено, не кончено, – тут же согласился Гренер, – они злобу затаят, но вот что я вам скажу. Теперь-то вы не один, если они еще надумают, так мы, все местные сеньоры, ну, кроме графа конечно, на помощь вам придем без всякого промедления. Только позовите. Раньше, когда горцы озорничали, так все ждали, что граф позовет в ополчение, а граф и не звал. А других таких, кто позвал бы, не находилось, хотя многие пришли бы. Да, все мои соседи пришли бы, если бы кто их позвал. Вот так они нам опротивели, воры эти горные.

– Что ж, рад я, что вам угодил, коли будет нужда, так уж не сомневайтесь, позову теперь воевать, – отвечал соседу Волков.

– Уж угодили, угодили, – улыбался Гренер, хватая руку кавалера и пожимая ее с жаром. – И зовите нас, придем, уж больно радостно было нам видеть, как они из воды своего дохлого капитана вылавливали.

– Капитана? – оживился кавалер. – Вы точно знаете, что капитан их утонул?

– Точно, – впервые заговорил молодой Гренер. – Я сам слышал, как они в лодке говорили, что нашли капитана, кажется, звали его... – Юноша замолчал, вспоминая.

– Пювер, – напомнил кавалер.

– Точно, точно! – обрадовался Карл Гренер. – Пювер. Один на лодке так и сказал: «Это Пювер, наш капитан».

Вот только теперь Волкову стало спокойно. Можно было уже не волноваться, уже стало ясно, что горцы разойдутся по домам, пока не выберут нового командира.

– Господа, – произнес кавалер, – я еще не обедал, прошу вас к столу. Но еда у меня самая простая, солдатская.

– С удовольствием принимаем ваше приглашение, – сказал сосед. – Ничего, что еда солдатская, я полжизни такую ем. И сыну моему не привыкать.

Волков повел гостей к господам офицерам, настроение у него изменилось, тревога покинула его, он уже проголодался и был не против поесть.

Глава 2

Сидеть на берегу больше не было смысла, если капитан горцев погиб, значит, как сказал Бертье, «разбредутся они по домам раны зализывать».

И держать в готовности столько народа не было нужды, да и дорого. Волков решил вернуться в Эшбахт. Оставил только дозоры на реке да сержанта Жанзуана в рыбачьей деревне, чтобы плоты по его воде бесплатно не плавали.

А затем, когда уже садился на коня, впервые, кажется, за день заметил, что рядом нет здоровяка Александра Гроссшвулле.

– А где Увалень? – спросил кавалер у Максимилиана.

– Так он ранен, – отвечал тот. – Сначала вроде крепился-крепился, а потом как кирасу снял – а у него вся стеганка кровью пропиталась. Ипполит дыры в нем зашивал, велел в телеге ехать.

– А ну поехали, посмотрим, что с ним, – сказал Волков и подумал, что и сам не прочь на обратном пути в телеге устроиться.

Но ему этого делать было нельзя. Нет, он должен ехать впереди своего оруженосца, под своим знаменем. Он же теперь, с легкой руки болтливого монаха, Длань Господня.

Увальню в телеге нравилось, других раненых в ней не было, лежа на соломе всяк приятнее ехать, чем сидя в седле. Рядом лежали его доспехи и оружие. Только вот на сей раз этот щекастый и краснолицый парень оказался бледен, хотя и улыбался. Голова его была перевязана, но больше всего тряпок ушло на его плечо.

– Это кто же вас? – спросил Волков.

– Так тот же, что и вас ударил, он, он, скотина, – сообщил Увалень со слабой улыбкой. – Он как вас по голове приложил, вы на колени присели, а этот негодяй для нового удара замахнулся. Вы же мне сказали всех бить, кто на вас замахивается, я его алебардой и ткнул. Вот он на меня и обозлился, вас бросил. Алебарду мою левой рукой схватил, да так крепко, что я и выдернуть ее не мог, а сам меня бьет и бьет своею колючкой! – С этими словами парень полез в солому и достал из нее моргенштерн, показал его Волкову и Максимилиану: – Вот этой вот. Слава богу, что вы ему ногу изрубили, я уж думал, он меня забьет насмерть.

Волков не очень хорошо помнил все это, он тогда задыхался, кажется, и плохо видел в перекошенном шлеме и сбившемся под ним подшлемнике.

– А как вы ему всю ногу изрубили, так он кинулся бежать, – продолжал Увалень. – Но куда на разрубленной ноге-то убежишь! Я его догнал и убил.

– Твой первый убитый противник, – сказал Волков.

– Да, – ответил Увалень не без гордости.

Он вроде даже этим кичился, красовался перед Максимилианом.

Оруженосец молчал, хмурил брови и слушал. Он всегда и во всем превосходил Увальню: по знаниям, по опыту, – хотя и был младше него. И тут на тебе: Увалень убил в бою горца. И, чтобы еще потешить самолюбие здоровяка, Волков добавил:

– Гордись, ты убил очень сильного врага. Очень сильного.

Увалень буквально расцвел и с вызовом глянул на Максимилиана: мол, слышал?

Максимилиан даже отвернулся.

* * *

К вечеру того же дня Волков оставил солдат, что еще тащились по оврагам и кустам, на попечение офицеров, а сам к сумеркам был уже дома.

И не только желание побыстрее лечь в нормальную постель двигало им. К вечеру начала болеть шея. Чертов горец со своим моргенштерном, будь он проклят. Еще и нога напомнила о себе. В общем, когда доехали, Максимилиану и брату Ипполиту пришлось помогать кавалеру слезать с коня.

Дом, полный женщин, ждал его: сестра, госпожа Ланге, племянницы и даже служанка Мария – все ему были рады. Госпожа Ланге и сестра так и вовсе прослезились. А племянницы прыгали и лезли к нему, даже старшая. Только жена едва обронила:

– Вернулись, господин мой?

Сказала, лицо скривила, словно господин ее в нужник на двор ходил. И больше ничего, взяла вышивку свою и стала дальше рукодельничать.

Да и черт бы с ней, но, как ни странно, Волкову почему-то хотелось, чтобы она узнала о его победе, посочувствовала его страданиям от ран и тягот. Но этой женщине, что являлась его женой перед людьми и Богом, было все равно.

– Мария, вели мне воду греть! – крикнул кавалер и, тяжело хромя после долгой дороги, пошел наверх. – Да одежду приготовь.

– Господин, ужин еще теплый.

– Сначала мыться.

После мытья и мазей монаха Волкову немного полегчало. Сел он есть, племянницы стали его расспрашивать про злых горцев, про то, как его ранили. Все слушали, даже дворовые пришли и толпились в проходе, желая хоть краем уха услышать, как дело было. Но Волков больше шутил, смешил племянниц, пока не припомнил, что ему какой-то святой помог горцев победить.

Как про святого он заговорил, так сестра Тереза вспомнила:

– Брат мой, так к нам тоже святой приходил сегодня поутру.

– Ах да! – воскликнула госпожа Ланге. – Конечно, был у нас утром святой человек, отшельник местный, вас спрашивал. Но мы сказали ему, что вы на войну пошли, так он за вас молился.

– А он сказал, зачем приходил?

– Говорил, что дело ваше знает, – вспоминала сестра. – А про то, что это за дело, ни слова.

– Да, так и сказал, – добавила Бригитт. – Говорил, что дело ваше знает, говорил, что Бога молил, и Тот послал ему откровение.

Это была хорошая новость. Да, хорошая. Если бы удалось после победы над горцами еще и зверя изловить, то герцогу пришлось бы подумать, прежде чем проявлять свою немилость к господину Эшбахта.

– Не сказал, куда ушел или когда придет опять? – спросил Волков после некоторого раздумья.

– Ничего не говорил, – ответила сестра.

– Ничего, – подтвердила госпожа Ланге.

– Максимилиан, завтра, если силы будут, съездим к нему, и шлем мой возьмите, завезем его кузнецу, он хвастался, что все может починить. Посмотрим, не врал ли.

– Да, кавалер, – ответил оруженосец.

Волков отодвинул тарелку и взглянул на жену. Она сидела за столом, далеко ото всех, уткнувшись в свою вышивку, вид у нее был такой, будто все, что происходит, ее совсем не касается, ей неинтересно.

Не хотелось кавалеру ее трогать, опять начинать домашнюю склоку с воем и руганью, но ему был нужен наследник. Очень нужен, и он сказал:

– Госпожа моя, не соблаговолите проводить меня в спальню?

Элеонора Августа подняла на мужа глаза, и он подумал, что она вот-вот закричит, браниться начнет, так яростен был ее взгляд, но она встала, кинула свое рукоделие на стол, еще

раз поглядела на господина своего с явным презрением и пошла по лестнице в спальню, подобрала юбки.

И хоть болела у него нога, и хоть в затылке как шилом ворошили, дело он свое сделал. Ну, слава богу, хоть обошлось без слез и ругани. Только со злостью и брезгливостью на лице жены. Ничего, ради наследника он готов был терпеть.

* * *

Еще не рассвело, еще Мария завтрак не подавала, как пришел Ёган. Сел за стол, ждал, когда кавалер помоется. Болтал с его племянницами.

– Ну? – спросил его Волков, видя, что управляющий не просто так пожаловал.

– Купчишки волнуются, – заговорил Ёган, – все знать хотят, когда мы им зерно возить начнем.

Волков задумался, вытер лицо большим полотенцем. Дворовая девка помогла ему надеть сапоги, брат Ипполит осматривал его рану, смазывал ее какой-то вонючей мазью. Как он закончил и сапоги были обуты, кавалер спросил:

– Думаешь, что к Рождеству цена будет вполовину больше от нынешней?

– А тут и думать нечего, вполовину, а то и вдвое. Так завсегда было, если урожай не шибко большой вышел.

– А сколько ты с купцов денег собрал?

– Сто девять монет.

Волков помолчал, а после сказал с уверенностью:

– Возвращай им деньги.

– Возвращать деньги? – удивился управляющий.

– Будем цену ждать, – ответил кавалер и пояснил: – Траты у меня большие, очень большие, мне сейчас каждый талер дорог.

– Обозлятся, боюсь. Прождали ячменя да ржи четыре дня, а зря, – раздумывал Ёган.

– Ничего, если кто особо злиться начнет, так позови кого-нибудь из ротмистров, чтобы усмирил.

– Хорошо, так и сделаю. – Ёган встал. – Побегу.

– Может, поешь? – предложил кавалер.

– Так я еще до петухов завтракал, – сообщил управляющий, – побегу, нужно поле посмотреть, кажется, уже пора озимые пахать.

Зато Сыч поесть не отказался, уселся за стол и, шмыгая носом, сказал:

– Экселенц, вы вроде обещали мне долю с ярмарки, говорили, что доля моя будет как у сержанта, если я про горцев все выведаю. – Он улыбался, весь сиял, мол, я все выведал, деньги давайте.

«Хорошо, что зерно не отдал за бросовую цену», – подумал кавалер и со вздохом полез в кошель.

Он молча отсчитал Сычу шестьдесят талеров, конечно, это намного меньше, чем получил старший сержант, но Фриц Ламме был и этому несказанно рад.

– Вы мои дорогие! – сгребал он со стола талеры. – Идите к своему старику. Давненько у меня столько серебра не было.

– Ты их все-то не пропивай и на баб не спускай. А то оставишь все в новом трактире.

– Да разве столько можно пропить, – говорил Сыч, пряча деньги за пазуху, – нет, все не пропью, спрячу. А пропью немного, малость самую. – Он, кажется, уже предвкушал веселье с вином и кабацкими девками.

– Ты ешь, разулыбался он! – хмыкнул Волков. – Со мной поедешь.

– Куда? – сразу перестал улыбаться Фриц Ламме, видно, планы его рушились.

– К монаху, к отшельнику, был он вечера тут, меня ждал, говорил, что дело решил. Думаю, это он про зверя.

– Ну ладно, поедем, поговорим со святым человеком, – согласился Сыч нехотя и полез в кашу ложкой.

* * *

Не успели они уехать: приехал Рене, стал говорить насчет свадьбы. Старому дурню не терпелось взять замуж сестру Волкова. Он спрашивал, не слишком ли будет торопливо играть свадьбу в субботу. Это все по-прежнему не нравилось кавалеру, но раз уж дал согласие, то теперь не мешать же делу.

– Идите к брату Семиону, – сказал Волков, лишь бы Рене отстал от него. – Договоритесь с ним о дне.

Рене, чертов жених, начал бубнить ему о благодарности своей.

– Не задерживайте меня, Арчибальдус, – хмурился кавалер, желая избавиться от него, – у меня и без вас много дел.

Он собирался ехать к монаху, путь был неблизкий, а нога еще от вчерашней езды не отошла.

– Да-да, конечно, кавалер, – поклонился Рене.

– Вот неймется ему! – шептал Волков, садясь на коня.

– Надеюсь, вы будете на свадьбе? – не отставал от него ротмистр, даже когда кавалер уже сидел в седле.

– Да, буду, конечно, как мне не быть на свадьбе сестры? – отвечал Волков, думая о том, что раньше Рене казался ему умным и трезвым человеком.

Глава 3

– Зараза, опять его нет дома! – еще издали заметил замок на двери Сыч. – Который уже раз ездим дверь его целовать.

Волков тоже злился, путь-то неблизкий, а с больной ногой и вовсе нелегкий.

Сыч прыгнул с коня и подошел к двери, подергал замок:

– Крепкий. – Привстав на цыпочки, он заглянул в щель, смотрел, смотрел: – Темень, ни хрена не видать. – Он принялся. – Хотя был недавно, кашу просяную с толченым салом жрал, святой человек. – Он достал нож, вырезал на старой двери белую зарубку и пояснил: – Чтобы знал, что мы тут были. Может, смекнет опять к нам прийти.

– Ладно, – согласился Волков, – поехали, доберемся до кузнеца, на обратном пути опять сюда заглянем.

* * *

Ганс Волинг обрадовался, когда увидел кавалера. А еще больше обрадовался, когда Максимилиан достал из мешка мятый шлем и протянул его кузнецу.

– Ишь ты, вот так да, вот так невидаль! – говорил Волинг, вертя в руках великолепный шлем. – Даже у наших баронов такой красоты нет. – Он осматривал шлем со всех сторон и продолжал бормотать: – Ты погляди, какое железо хорошее, глянь, и его проббили, видать, в лихом деле шлем побывал. Господа, спешивайтесь и посидите в доме, я только погляжу на эту работу, велю коней ваших напоить.

Волков спешил, решил походить по двору, ногу размять. Дошел до ворот, встал, повертел головой, прислушиваясь к ощущениям в шее, но не очень рьяно, так, чтобы кровь опять не пошла из раны. Потрогал отек на затылке рядом с ухом. Было больно, но не так, как вчера, кровь из раны не пошла. Он посмотрел на дорогу и увидел вдалеке четырех всадников.

Даже издали Волков понял, что это местный сеньор или какой-нибудь важный господин, что тут проездом. Конечно, это был не выезд барона фон Фезенклевера из десятка рыцарей. Но тем не менее четверо господ на хороших конях и в приличной одежде быстро приближались к кузнице с запада.

Как подъехали, так Волков уже узнал прибывших. Это был сам хозяин местной земли, господин поместья Баль, молодой и красивый Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц. Элеонора Августа познакомила их на балу у графа. Фон Дениц тогда Волкову не понравился. Обыкновенный заносчивый молодой сеньор. Хотя какой он молодой? Лет тридцать ему уже исполнилось. Волкову не хотелось с ним говорить, но делать нечего.

Барон подъехал, без посторонней помощи слез с лошади, коротко кивнул кавалеру, подошел ближе, протянул ему руку и без всякой шутовщины в голосе сказал:

– Большая честь для меня и для моих рыцарей видеть вас, кавалер, на моей земле. Господа, это кавалер Фолькоф, господин Эшбахта.

Рыцари подходили к Волкову, жали ему руку, представлялись, последним был самый из них старший кавалер Редль, он, не выпуская руки Волкова, произнес:

– Для нас, как и для барона, честь видеть вас и жать вашу руку. Мы восхищены вашей победой на реке.

Уж чего-чего, а такого Волков никак не ожидал услышать от заносчивого барона и его рыцарей. В общем-то, он был не из тех людей, что лезут в карман за словом, и всегда знал, что ответить, но подобное благорасположение заставило его немного смутиться, и вместо ответной любезности кавалер пробормотал лишь:

– Вот, заехал к вашему кузнецу шлем починить. У меня-то кузнеца нет.

– Вам повредили шлем? – воскликнул фон Дениц и пошел во двор кузни прямо к кузнецу. – Тот ваш великолепный шлем, в котором вы были на смотре?

Волков направился за ним, и приехавшие рыцари тоже пошли в кузню.

– А ну-ка, Ганс, дай взглянуть? – Барон дошел до кузнеца, который ему низко кланялся, и взял из его рук шлем. Стал рассматривать его. – Ах, бог ты мой, какая прелесть. Кавалер, откуда у вас деньги на такое роскошество?

– Это... – Волков хотел сказать «награда», но почему-то сказал: – Подарок.

– Если подарок от женщины... Даже не знаю, как вам удалось заслужить его, – засмеялся барон, рыцари его тоже улыбались.

Кавалера так и подмывало сообщить, что подарил ему доспех сам архиепископ Ланна, но это выглядело бы как бахвальство высокими связями, и он не стал распространяться о дарителе.

– И это повреждение вы получили вчера на реке? – продолжал рассматривать шлем барон.

– Да, вчера на рассвете.

– Поймали горцев на высадке? – спросил один из рыцарей.

– Именно, как раз они высадились на мой берег первой партией.

– И вы как следует им врезали? При чем убили их капитана? – говорил барон, передавая шлем кузнецу и ожидая ответа Волкова.

– Я смотрю, новости здесь распространяются быстро, – заметил тот.

– Самое интересное в нашей глуши – это новости, – усмехнулся фон Дениц. – Ну, расскажите, как было, хотя бы вкратце. Как вы узнали, что они готовят набег?

Волков не стал говорить, что у него на том берегу есть свои люди. Это ему показалось излишним.

– Мои дозорные сообщили, что напротив леса собрано много лодок. Я их после ярмарки все время ждал. Поспешил туда. Так и есть, за рекой был их лагерь. – Волков рассказывал так просто и буднично, словно описывал обед, и обед отнюдь не праздничный. – Мы подошли к реке тихо, там было всего одно удобное место для высадки. Я разбил мои отряды на три части, затем дал горцам слезть с лодок и ударил по ним с трех сторон. Сбросил в воду. Они послали помощь, но мои стрелки расстреляли лодки, что плыли на наш берег. Наш с вами сосед Гренер сказал, что горцы потом выловили своего капитана из реки. Вот, в общем, и все.

Волкову казалось, что барон пару раз бросал внимательный взгляд на Максимилиана, что был тут же и слушал их разговор. Сначала думал, мало ли, но потом понял, что юноша заинтересовал барона.

– А вы, мой юный друг, – заговорил фон Дениц, обращаясь к молодому человеку, – вы тоже были при деле на реке?

– Да, господин барон, – ответил молодой Брюнхвальд.

– Вы оруженосец господина Эшбахта?

– Имею честь им быть, – не без гордости отвечал Максимилиан.

– Да, кажется, это и вправду честь – состоять при таком славном воине, – без всякой иронии согласился барон, подходя к юноше и глядя на него пристально. – Ваш рыцарь, я вижу, был ранен, он сражался, а вам, мой юный друг, удалось обнажить меч?

– Нет, – с обидой в голосе отвечал Максимилиан. – Кавалер отослал меня к стрелкам, а они запоздали к атаке, я не видел, как его ранили.

– А позвольте взглянуть на ваш меч, – вдруг произнес барон и протянул руку.

Юноша растерялся, он не знал, как поступить, и покосился на Волкова, тот едва заметно кивнул. Тогда Максимилиан достал из ножен свой меч, протянул его фон Деницу. Это, конечно, был не простой солдатский тесак, но и не выдающееся оружие. Хорошо заточенный меч с простой гардой и незамысловатым эфесом. Странно, что барон заинтересовался таким оружием. А барон рассмотрел меч как следует, что он в нем находил – для всех было непонятно.

– Не расстраивайтесь, мой юный друг, – произнес фон Дениц, возвращая Максимилиану оружие, – уверен, что вам еще представится случай проявить себя в бою.

При этих словах он вдруг похлопал юношу по щеке. Вроде и по-отечески, но как-то уж очень... ласково. Максимилиан спрятал оружие в ножны и даже растерялся от прикосновения барона, он уставился на кавалера, думая, что тот ему что-то объяснит. Но взгляд Волкова был невыразителен, он словно не видел, как барон прикоснулся к юноше.

– Ганс, – заговорил барон, обращаясь к кузнецу, – с господина Эшбахта плату за ремонт шлема не брать.

– Как изволите, господин барон, – сразу ответил кузнец.

– В этом нет необходимости, – заявил Волков достаточно твердо.

Ему не нужны были красивые жесты и милости местных сеньоров.

– Позвольте мне хоть как-то поучаствовать, – заговорил барон проникновенно. – Быть хоть самую незначительную малость причастным к вашему славному делу у реки. Тем более что мы с Гансом старые приятели, у нас много общих дел. Мы с ним посчитаемся как нужно. Ганс, я запрещаю тебе брать деньги за ремонт этого прекрасного шлема.

– Не возьму ни пфеннига, – заверил кузнец.

Волкову было неудобно настаивать, теперь его желание заплатить выглядело бы невежливым.

– Я благодарен вам, барон, – поклонился он.

– Нет, это я благодарен вам, кавалер, за то, что вы проучили этих хамов из-за реки, на что никак не отважился наш герцог. И не только я, все мы натерпелись от них обид. Я очень надеюсь, что вы примете мое приглашение на обед. Я и мои рыцари мечтаем услышать о вчерашнем деле во всех подробностях.

– Именно так, – поддержал сеньора кавалер Редль, – мы стоим и гадаем: чем вам пробрили шлем?

– Никогда не отгадаете, господа! – Волков даже засмеялся.

– Так пробить можно было только клевцом, – предположил один из рыцарей. – Дыра совсем маленькая. Били справа, прицельно.

– Не угадали, – смеялся Волков. – Клевец я бы остановил рукой.

– Молот? Топор? Хотя нет, вмятина вышла бы больше, – гадали рыцари.

– Вы не поверите, господа, но это был моргенштерн, – улыбался кавалер.

– Неужели эти хамы еще ими пользуются? – удивился барон.

– Я тоже думал, что они в прошлом, – сказал Волков. – И не будь со мной моего второго оруженосца, так и умер бы, полагая, что это оружие уже ушло в прошлое. Уж очень ловким оказался этот горец.

Все засмеялись, а барон сказал:

– Все, собираемся, Эшбахт, прошу вас быть гостем в моем замке. Обещаю вам хороший обед и отличное вино.

Волков стал серьезен, хоть и изменилось его отношение к барону, хоть и нравились ему его рыцари, но он ответил:

– Господа, барон, не сочтите за невежливость, но я вынужден отказаться, обстоятельства требуют от меня быть все время дома. Да еще я хотел обязательно посетить отшельника на обратном пути.

– Вот как, – сказал барон с заметным разочарованием, – очень жаль.

– А святого человека вы хотите просить о чем-то? – поинтересовался Редль. – Я так всегда прошу его, чтобы молился за мою победу на турнирах.

Рыцари опять засмеялись.

Волков задумался на мгновение, но решил сказать. Эти господа могли оказаться даже полезны.

– Епископ Маленский просил меня о деле, он считает, что здешние места изводит оборотень. И хочу я того оборотня изловить.

– Оборотень? – спросил Редль удивленно. – Мы думали, это волки так расплодились в ваших пустошах, пока там не было хозяина.

– Думаю, что вы ошибаетесь, господа, – ответил Волков серьезно.

– Да ну, не может быть, – отмахнулся барон, ухмыляясь, – заведись у нас тут оборотень, так разогнали бы как раз скуку. Уж мы бы устроили на него хорошую охоту и нашли бы его.

– К сожалению, оборотень где-то рядом, вот господин Брюнхвальд так дважды с ним сталкивался. – Волков указал на Максимилиана.

Все с удивлением смотрели на юношу, и тот опять смутился.

– Вы видели зверя? – все с тем же удивлением спросил Редль.

– Кажется, да, – неуверенно отвечал юноша. – Два раза.

– Два раза? – Редль уже не скрывал улыбки. – Два раза видели вервольфа и все еще живы?

– Да, – опять неуверенно подтвердил Максимилиан.

– Но говорят, что такой зверь необыкновенно свиреп, – заговорил другой рыцарь. – Как же вам удалось уцелеть?

– Ну, в первый раз я залез на дерево, – рассказывал Максимилиан, – а во второй раз его сильно лягнул мой конь.

Тут рыцари и барон принялись откровенно смеяться. Они, кажется, не верили ни единому слову юноши.

– Значит, ваш конь лягнул оборотня? – успокоившись после смеха, поинтересовался барон. Он опять подошел к Максимилиану и положил руку ему на плечо. – Видно, это был какой-то слабый оборотень. Ну да и бог с ним, вы скажите, кавалер, а зачем вам к отшельнику?

– Я просил его помочь с поисками, он знает все окрестности и всех людей лучше кого бы то ни было. Он обещал подумать. Вчера, пока я был на реке, он приходил ко мне и передал, что разобрался с делом. Думаю, что он вызнал про зверя, вот и хочу с ним поговорить.

– Ну что ж, желаю вам удачи, прошу вас пообещать, что, как только вы соберетесь ловить зверя, позовете меня и моих рыцарей. Мы с удовольствием поохотимся, – сказал барон.

– Да, – вмешался Редль, как только барон закончил, – а еще я прошу вас звать нас обязательно, когда соберетесь бить горцев.

– Я обязательно позову вас, – поклонился Волков.

– Да-да-да! – поддержал барон своего рыцаря. – Всякие оборотни и лешие – это, конечно, интересно, но тут уж как получится, но вот если дело коснется горцев, настоятельно просим приглашать нас. Это не бахвальство, кавалер, мы действительно просим вас звать нас, если понадобится. Мы сочтем за честь встать под ваше знамя.

– Я обязательно позову вас, господа, – пообещал Волков, – и вы будете драться под своим знаменем.

Они друг другу поклонились.

Глава 4

Когда поехали обратно, Сыч, который весь разговор с бароном и рыцарями молчал, заговорил:

– А ну, дай-ка, Максимилиан, твой меч глянуть.

Максимилиан молча протянул Сычу меч, ему было интересно, что Сыч с мечом делать станет, Волкову тоже было интересно. А Фриц Ламме ничего и не делал, осмотрел его, как барон осматривал, и вернул Максимилиану.

– Ну, и что ты там увидал? – спросил юноша.

– В том-то и дело, что ничего, – отвечал Сыч. – Пара мелких зазубрин. И все понять не могу, чего его барон нюхал.

– Нюхал? – удивился Максимилиан.

– Ну, рассматривал, – ответил Сыч, поморщившись от такого непонимания. – Вон у кавалера какой меч, сплошное золото, а фон Дениц твой взялся смотреть. К чему бы это?

– Что ты имеешь в виду? – Волков внимательно взглянул на Сыча.

– Да ничего, – отвечал Фриц Ламме. – Просто думаю.

– Думаешь... – Волков сделал паузу. – Думаешь, барон...

– Да нет... – Сыч сомневался. – Хотя всякое может быть. Если так, то все складывается. Но уж больно легко он про то говорил, не сильно его этот вопрос заинтересовал.

– О чем вы? – произнес Максимилиан. – Считаете, что барон и есть оборотень?

Волков не ответил, Сыч тоже молчал.

– Ну, Фриц, скажи, что ты думаешь? – не отставал Максимилиан.

Фриц вдруг оскалился с противным ехидством, так он скалился, когда что-то сальное сказать собирался:

– Думаю, что барон из этих.

– Из каких из этих? – не понял юноша.

– Из тех, что не любят бабьи передки, да любят мальчишечьи задки, – ответил Фриц Ламме и засмеялся.

– Чего? – не понял Максимилиан. Сначала не понял. Потом посмотрел на Сыча и сказал: – Да не может быть.

– А ты что, не увидел этого? Он едва тебя целовать не стал, – ехидничал Сыч.

– Кавалер! – Юноша обернулся к Волкову.

– Всякое случается, – серьезно ответил Волков, ему сейчас было не до того, он думал о том, может ли барон являться оборотнем.

А Сыч все скалился и цеплялся к Максимилиану:

– А ты, Максимилиан, скажи, тебе бабенки-то милы бывают? Я что-то не припомню, чтобы ты бабенок тискал, хотя возраст у тебя подходящий. Может, ты сам такой же, как барон?

Максимилиан покраснел, не много у него было опыта. Самый яркий случай произошел с ним в Ференбурге. Да, две девицы были очень хороши, их он вспоминал, особенно черноглазую, жаль, что они оказались ведьмами и обеих казнили. А про сумасшедшую Агнес и ее звериные ласки так вспоминать не хотелось. Ему нравилась и еще одна женщина, он о ней думал и даже мечтал о ней. Но она была много старше его, лет на десять, наверное. А еще она часто украдкой шепталась о чем-то с господином, когда думала, что их никто не видит. Он специально приходил в дом господина рано утром. Женщина спала внизу на лавках, иногда она еще не успевала одеться, пару раз Максимилиан видел ее в одной нижней рубахе.

Он садился на лавку к стене и делал вид, что не смотрит на нее, пока она быстро надевала платье. Иной раз успевал увидеть ее ключицы и большой ворот рубахи или даже темные пятна сосков или низа живота, что просвечивали через тонкую дорожную ткань.

Надев платье, она быстро и не без труда прятала под чепец свои пышные и непослушные волосы. И если ненароком ловила взгляд оруженосца, то едва заметно улыбалась ему. Он для этого и вставал ни свет ни заря. Мылся и чистил одежду в темноте, причесывался. Все только для того, чтобы увидеть ее в нижней сорочке и поймать улыбку на веснушчатом лице.

– Ну так что, Максимилиан? – не отставал от него Сыч. – Есть бабенки, что тебе нравятся? Или ты как этот барон?

– Дурак ты, Сыч, – беззлобно ответил юноша, он больше не собирался говорить на эту тему.

Кавалер никогда такие темы не обсуждал, значит, и ему не следует. Он во всем хотел походить на своего господина.

Сделали крюк, снова заехали к монаху, но дверь опять оказалась на замке. Сыч поглядел следы и сказал, что как они тут утром были, так больше здесь никто не появлялся. После поехали домой.

Как приехали, нога разболелась. Но к этому Волков уже привык. А вот то, что он к вечеру почувствовал озноб, хоть дома было даже жарко, так это монаха напугало. Брат Ипполит долго осматривал рану на шее, молчал, ничего не объяснял. Принес инструмент свой врачебный, достал специальный нож. Но, подумав, резать не стал. Дал Волкову настойку сонную и отправил спать. Госпожа Эшбахта была рада, что господин Эшбахта в тот вечер не искал ее благосклонности.

* * *

Утром чувствовал Волков себя все еще не слишком хорошо. Есть ему не очень хотелось, что было странно, едва заставил себя проглотить два вареных яйца да две ложки проса на молоке и меде. Тогда пришла госпожа Ланге со двора и сказала, что к нему прибыл гонец от графа.

Волкову и сургуч на письме ломать не требовалось, чтобы знать, о чем там писано. Конечно, граф в письме был зол и требовал его к себе в замок для объяснений. Конечно, никуда кавалер ехать не собирался. Отписал графу, что болен. А когда начал писать, так тут же брат

Ипполит пришел опять осмотреть ему рану. И гонец это видел, поэтому графу подтвердит его хворь.

Монах опять был недоволен. Потрогал лоб кавалера, не горячий ли. Снова смешал в стакане снадобья, поставил кипятиться воду для отваров. А Волкову впервые, кажется, за многие дни не было нужды никуда ехать и ни о чем печалиться. Первоочередные заботы он разрешил, а те, что были еще не разрешены, не требовали немедленных действий. Где там еще гнев герцога, где злоба горцев? Пока можно обо всем этом не думать. Пока госпожа Эшбахта и ее подруга госпожа Ланге были на дворе и отчитывали дворовых девок за лень и нерадивость, он сидел за столом, маялся от скуки и неприятного озноба в теле. Всегда так: как нога не болит, так еще что-то прихватит. Вот озноб какой-то, неужто от раны в шее?

– Монах, – позвал он, запрокидывая голову, проверяя, не заболит ли, – а нет ли у нас каких книг?

Брат Ипполит в это время толлок в чашке какой-то корень. Он даже остановился от удивления, так давно господин не говорил с ним о книгах.

– Так у меня только одна книга, что вам интересна, остальные все по медицине, – ответил он.

– Хочешь, поедем в Мален да купим книг каких, – предложил Волков.

– Каких книг? – сразу оживился брат Ипполит.

– Да каких хочешь. И мне какою-нибудь интересную.

– Нет, – чуть подумав, отвечал брат Ипполит. Конечно, книг ему очень хотелось, но здоровье господина поважнее будет. – Вам сейчас лучше в седло не садиться.

– А я карету жены возьму, – сказал Волков, – брошу туда перин, да поедем.

– Нет, завтра поедем, если лучше будет ваша шея, – твердо ответил молодой монах.

Пришел брат Семион, чуть послушав, о чем они говорят, сразу сказал:

– Завтра свадьба у ротмистра Рене, а вот послезавтра вы и отправляйтесь. Сейчас, если вы, кавалер, телегу мне дадите, я съезжу к епископу.

– Зачем это ты к нему поедешь? – спросил Волков, хотя и так знал, зачем хитрому монаху нужно к доброму епископу.

– Поговорить о церковной утвари, никак без нее невозможно службы справлять, – отвечал брат Семион смиренно. – Может, епископ даст мне что-нибудь, что ему в приходе его не нужно.

– Так епископ дал тебе, кажется, две тысячи двести талеров, – изобразил притворное удивление кавалер, – деньги большие, неужто ты даже церковной утвари не купил?

– Так все на стройку уходит, как в прорву: то кирпич, то балки... – начал монах.

– Ну да, ну да, – кивал ему Волков понимающе, – а то и печи, которые в храме не нужны, надобно дорогими изразцами отделать.

– Так вы, господин, телегу-то дадите мне? – решил закончить этот неприятный разговор настоятель недостроенного храма.

– Бери-бери, – дозволил кавалер, с удовлетворением понимая, что он еще на шаг ближе становится к неплохому дому, что уже почти построил поп. – Езжай к епископу, может, даст он тебе утварь.

Знал Волков, что помимо утвари хитрый поп попробует выклянчить у епископа еще денег. И надеялся, что епископ не даст.

И то ли от снадобий брата Ипполита, то ли от любопытства, но Волкову вдруг полегчало. Озноб прошел, и шея, кажется, престала гореть. Он позвал Максимилиана и пошел на улицу. Коней седлать не стали, идти было недалеко. Пошел он смотреть дом, что строил брат Семион. Дом, который Волков уже считал своим.

И дом, и двор, и все дворовые пристройки ему понравились. То ли монах был так сведущ, то ли молодой архитектор так искусен, в общем, строение показалось кавалеру весьма пристой-

ным и уже почти готовым к проживанию. Волков понадеялся, что епископ денег брату Семиону больше не даст. А еще он, ходя с Максимилианом по красивому и светлому дому среди работников, уже заканчивающих дело, думал, что этот дом нельзя отдавать горцам. Никак нельзя. Больно он хорош.

К вечеру вернулся жар в шее, наверное, от кислого лица жены, что сиднем сидела за столом с рукоделием. А еще приехал брат Семион из города и привез старую утварь церковную. Но вид его был невесел. Это немного порадовало Волкова.

– Отчего же ты печален? – спросил он монаха, едва скрывая улыбку. – Тебе же епископ дал утварь.

Брат Семион только вздохнул в ответ.

– Утварь дал, а денег, видно, не дал, – смеялся кавалер.

– Не дал, – признался монах.

– Так на что будешь церковь строить? Твоих денег у меня осталось сто семьдесят талеров.

Или, может, службы во дворце твоём служить будем?

– Авось Бог не выдаст, – вздохнул монах. – Как-нибудь да сложится.

– Ну-ну, – кивал Волков, он уже даже знал, как все сложится.

– А, чуть не забыл, – вспомнил брат Семион. – Епископ просил вас быть к воскресной мессе в Малене.

– К утренней? – удивился Волков.

– К утренней, к утренней, – говорил монах, – просил вас приехать под знаменем и при лучшем своем доспехе, с сотней лучших своих людей и офицерами. Быть всем у южных ворот. Говорил, что вам от этого польза большая выйдет.

– Это еще зачем? Какая еще польза? – продолжал удивляться Волков.

– Мне он не сказал. Велел, чтобы были обязательно.

– Ну хорошо, – медленно произнес кавалер, раздумывая о затее епископа. – Раз нужно, так буду.

Глава 5

Ах, как чудесна была эта книга! Даже название в ней было чудесным: «Метаморфозы». Его так и хотелось повторять и повторять. Метаморфозы. Прелесть. А уж от содержания так и вовсе нельзя было оторваться. И очень кстати книга эта Агнес пришлась, словно подарок того, кто угадал... или знал ее чаяния.

Она читала страницу за страницей, забывая поесть: да как же тут оторваться, если этот Корнелиус Крон словно про нее писал. Все ее чувства описывал и желания. И говорил, что делать дальше.

Он писал о том, что она совсем недавно сама в себе обнаружила, о том, как сама может менять себя. Писал о том, что она без красок, подкладок, румян и других женских ухищрений, а лишь волею своею может себя изменить до неузнаваемости. Лишь одним желанием неистовым своим поменять себя на другую – на такую, какой захочет себя видеть.

И с радостью узнавала Агнес, что менять она может и лицо, и руки, и ноги, и зад. И это не все! И рост, и ширину бедер, даже волосы! Волосы! Как можно изменить свои волосы? А этот великий чародей и магистр писал, что умному человеку или даровитой жене, что ощутили в себе дар, все подвластно. И коли дар их велик, а не скуден, то не только плоть грубую могут они менять, не только становиться выше и толще, но и глаза и волосы по желанию своему изменить. И цвет волос? И длину? И густоту? Ах, как захотелось ей знать, даровитая она жена или дар в ней слаб.

Агнес вскочила с постели.

– Ута! – закричала она, скидывая с себя дорожную нижнюю рубаху небрежно. – Ута, сюда иди!

Сама стала к зеркалу нагая и разглядывала себя. И все, что видела она, не нравилось ей. Ноги худы, дыра промеж них – кулак проходит, лобок едва порос редкими волосами, груди тверды и не висят, но малы, а еще ребра, а еще ключицы, а еще таза кости острые торчат, как у дохлой лошади, что лежит неделю в придорожной канаве.

Девушка хоть и молода была, а понимала: нет, не желанна она, чего же удивляться, что господин на нее не смотрел, когда рядом Брунхильда. У той-то силы и красоты как у кобылицы молодой. Все у этой дуры беззубой было: и зад, и грудь, и ноги красивые, и рост, и лицо, и лобок черен от волос.

– Ута! – заорала Агнес. – Бегом сюда беги, корова ты дебелия, иначе морду разобью!

– Госпожа, звали? Что, ужин подавать? – заглянула в дверь запыхавшаяся служанка. Видно, что бежала по лестнице.

– Свечи неси! – рявкнула Агнес.

– Сколько?

– Много. Дюжину неси!

Расставила свечи вокруг, зажгла их. Стала к зеркалу, постояла: да, теперь все хорошо видно. Взяла книгу, раскрыла на том месте, где остановилась. Стала опять читать, читала про себя, лишь губы от волнения шевелились.

– Волосы, волосы, волосы, – шептала она, подняв глаза от книги в зеркало. – «Не глупой силой рук, а лишь дерзновением души, все презирающей, и волей неуклонной», – повторила она последние строки абзаца. – «Дерзновением души».

Девушка смотрела и смотрела в зеркало, ничего не делая, не шевелилась. Едва дышала, стояла и просто смотрела на себя исподлобья, чуть наклонив вперед голову. Повторяя про себя: «Лишь дерзновением души. Лишь дерзновением души».

Свечи помалу оплывать стали, капать воском. За дверью ходила на цыпочках тяжелая Ута. Прислушивалась, что там у хозяйки. А она все смотрела и смотрела на себя в зеркало, пока ломить глаза не стало. Кажется... Кажется...

– Ута! – закричала она.

– Да, госпожа, – тут же отозвалась Ута, отворяя дверь.

– Сюда иди, – велела Агнес и наклонила голову, словно собиралась боднуть служанку. – Смотри!

– Куда? – с испугом спросила глупая служанка.

– На волосы смотри, дура!

– А что там? – подвывала Ута.

Агнес захотелось ее убить.

– Смотри, дура, потемнели ли волосы? – еле сдерживаясь, произнесла Агнес.

– Ах! Да! Потемнели, стали темны в корнях возле пробора!

– Потемнели или почернели?

– Ох, дайте разглядеть. Потемнели.

Ах, как ей стало хорошо, хоть и устала она отчего-то, словно целый день в карете ехала, но все равно хорошо ей было сейчас. Значит, не ошиблась она. И не соврал Корнелиус Корн. Девушка снова стала разглядывать себя в зеркале, разгребая волосы пальцами. Нет, не ошиблась, ее русые, сероватые волосы немного изменились. У корней волосы стали заметно темнее.

– Госпожа, да как вы так смогли? – бубнила Ута, все еще приглядываясь к ее волосам.

– Вон пошла! – сказала счастливая Агнес и поплелась к кровати. Упала на нее, прямо на перину. Так устала, что укрыться сил не было, все, что она смогла, так это крикнуть уходящей служанке: – Куда пошла? Свечи-то потуши, скудоумная.

Утром, когда еще темно на дворе было, она, не поев, не помывшись, не одевшись даже, опять к зеркалу, опять за книгу. Как была голая, стала перед зеркалом, даже служанку не позвала: сама лампы и свечи зажгла. И снова принялась читать книгу. Запоминать слова и делать то, что там писано. И теперь ей все легче давалось. Лицо как по взмаху руки меняла. Пока одно научилась быстро делать. Посмотрит на себя в зеркало и так, и эдак, и справа, и слева, а потом рукой перед глазами проведет – раз! И иная девица стоит в зеркале. Как это удивительно и прекрасно было. Перед ней другая, с лицом не таким, как у нее, с лицом красивым. И Агнес нипочем не узнать, разве что по глазу, который косит немного. Да, прекрасно, прекрасно, но этого мало. Она хотела плечи иные. Чтобы как у Брунхильды, чтобы ключицы не торчали. И грудь больше, и живот красивый, и бедра! Ну что у нее за бедра? Костлявые, угловатые. И ноги! Книга, конечно, книга ей поможет. Девушка снова раскрывала книгу, читала и читала. И тут же пыталась сделать, как сказано. Но не все получалось, как ей хотелось. Уже за окнами посветлело, уже за дверью шебуршала служанка, пахло из кухни завтраком давно, а она все пыталась так себя выгнуть изнутри, так растянуть, чтобы стать новой, саму себя удивить. Выгибалась, напрягалась, старалась, пока силы ее не покинули. Даже книга из рук выпала. Мало что сегодня получилось у нее, мало. Пошла Агнес и повалилась на кровать разочарованная.

В дверь поскреблась Ута:

– Госпожа, мыться желаете?

– Прочь! – крикнула она зло, хотя злиться на служанку глупо. Ну не она же в неудачах виновата. Да и можно ли сегодняшние старания считать неудачными? Кое-что у нее получалось.

Как была без одежды и простоволосая, так босиком пошла вниз к завтраку. Ее дурное расположение духа все сразу почувствовали.

Зельда Горбунья так от плиты не отворачивалась, жарила колбасу. Ута старательно чистила подолы ее нижних юбок, головы не поднимала. А Игнатий как увидел, что госпожа спустилась из спальни нагая, так уже уйти в людскую собирался от греха подальше, уже встал. Но Агнес не дала ему уйти, окрикнула:

– Стой, Игнатий. Ко мне иди.

Он замер поначалу, а потом пошел к госпоже неуклюже боком, и так шел, чтобы не дай бог глаз на нее не поднять.

А Агнес мостилась на твердом стуле: голой сидеть на нем неудобно. Тощим задом ерзала, да все без толку, и тогда крикнула:

– Ута, подушек мне принеси.

Служанка бегом кинулась, по голосу госпожи знала, что сейчас ее лучше не гневить.

Агнес же после подняла глаза на кучера своего:

– Расскажи мне, Игнатий, зачем ты баб убивал? К чему это? Другие мужики баб не убивают, пользуют их, и все. А ты зачем душегубствовал?

– Что? Баб? – растерялся конюх.

– Не думай врать мне! – взвизгнула Агнес. И так на него уставилась, что он щекой своею небритой, через бороду густую взгляд ее чувствовал. – Говори, зачем баб убивал?

– Ну так... Это от мужской немощи... – заговорил конюх явно нехотя и поглядывая при этом на Зельду, что стояла к нему спиной у плиты. – Ну... Там... Когда бабу я хотел... А у меня силы мужской не было... Пока я ее...

– Что? – продолжала за него Агнес, привставая со стула, чтобы Ута уложила на него подушки. – Душить не начинал? Или бить?

– И бить, и душить, – признался кучер, – в общем, пока она скулить не начнет.

– А дальше? – усевшись удобно, продолжала расспросы девушка.

– Ну а дальше... Ну, душил их или бил, пока они чувства не теряли.

– Зачем?

– Так по-другому разрешиться не мог, – бубнил здоровенный конюх. – А как она с синей мордой хрипеть начинала или кровью давиться, так у меня все и разрешалось. Только так и получалось.

– Да ты зверь, Игнатий, – засмеялась Агнес. – Скольких же ты баб убил вот так?

– Да не то чтобы много, обычно все без душегубства было, редко не сдержусь и расплюсь совсем... Тогда и выходило... А так обычно бабы сами еще... Уползали потихоньку живыми. Да и были почти все они гулящие.

– А что, и негулящих баб ты убивал?

– Ну, случалось пару раз... – отвечал Игнатий.

– А как же ты горбунью нашу берешь, если не душишь? – удивлялась Агнес.

– Сам не пойму, иной раз такой чес у меня, что горит все, как ее охота. Никогда с другими бабами такого не было, – искренне отвечал конюх.

Ну, эту тайну Агнес и сама могла раскрыть. Когда она была довольна Зельдой или ей просто становилось скучно, так она звала к себе горбунью, откапывала заветный ларец, брала нужную склянку с зельем, что мужей привлекает, мазала ей шею и за ушами. И тут же счастливая Зельда шла к конюху, ходила рядом или садилась с ним, и тут же Игнатий интерес к ней являл нешуточный, тащил горбунью в людскую. А та сразу становилась румяна и не сильно-то противилась грубым ласкам конюха. А за ними, чуть погодя, и сама Агнес шла поглазеть да посмеяться над уродами. И Ута тоже ходила постоять в уголке да позаглядывать.

Так что Агнес, как, впрочем, и Зельда, знала, почему Игнатий больше баб не бьет.

– А ну подойди ко мне! – велела девушка.

Он подошел к ней ближе, но все еще стоял боком, старался не смотреть на госпожу.

– Ближе, говорю, – продолжала Агнес.

Он подошел совсем близко, уже у стула ее стоял.

– Глянь-ка на меня, – говорит ему девушка.

Он послушно стал смотреть ей в лицо, стараясь не глядеть ниже, и наклонился даже, чтобы ей удобнее было его видеть.

– А может, ты и меня хочешь измордовать и убить? – спросила Агнес с опасной вкрадчивостью.

– Что вы, госпожа, что вы, – тряс головой конюх. – Даже в мыслях такого не было.

И девушка аж с наслаждением почувствовала, как могучее тело конюха наполняется страхом. Да, этот человек, чьи плечи были в два раза шире, чем ее, чьи руки напоминали могучие корни деревьев, боялся Агнес. Он стоял рядом и вонял лошаадьми, чесноком и самым постыдным бабским страхом. Таким едким... что Агнес вдыхала его с удовольствием. Она видела его заросшее черной бородой лицо, его телячьи глаза, его дыру в щеке. В эту дыру она запустила палец и, не почувствовав и капли брезгливости, притянула его голову к себе еще ближе:

– А не думал ли ты, Игнатий, сбежать от меня?

– Госпожа, да куда же! Не было у меня такой сытной и спокойной жизни никогда, я с вами на веки вечные.

– Смотри мне! – произнесла Агнес, с удовлетворением отмечая, что он ей не врет. – Если вдруг бежать надумаешь, так имей в виду – отыщу. Найду и кожу по кускам срезать буду. – Она отпустила его и добавила громко: – Это всех касается.

И Ута, и Зельда обернулись и кивали.

Игнатий, кланяясь и все еще стараясь на нее не смотреть, отошел в сторону. А настроение у Агнес заметно улучшилось. Она чуть подумала и велела:

– Ута, мыться и одеваться. Зельда, завтрак подавай. Игнатий, карету запрягай.

– Как запрягать? На долгую езду? – спросил кучер.

– Нет, по городу поедем, с одним душегубом я сегодня уже поговорила, теперь хочу с другим побеседовать.

Глава 6

Теперь ублюдок Уддо Люббель с ней плохо говорить не осмеливался. У него до сих пор ляжки не зажили, и при виде Агнес едва снова кровотечение не открылось. Теперь он кланялся, лебезил, но девушка чувствовала, что этот человек опасен. Много он хуже и подлее, чем даже душегуб Игнатий. Для этого ей и выспрашивать у него что-либо не было нужды. Она видела его насквозь. Хитрый и коварный, лживый в каждом слове, он затаился и сейчас кланялся, но без размышлений или даже с наслаждением предал бы ее, отправил бы на костер, если бы смог. Агнес почти не сомневалась, что этот выродок узнавал насчет нее и кавалера Фолькофа у своих знакомых. И видно, услышал то, что ему не понравилось, поэтому затаился и кланялся ей, и кланялся на каждом шагу, хоть ноги Уддо Люббеля, замотанные грязными тряпками, слушались его еще плохо.

Агнес смотрела на него, разглядывала его улыбающийся беззубый рот, обветренные и облезлые губы. Наверное, детям было не только страшно, когда он их ловил, но еще и мерзко, когда он их трогал, целовал. Агнес заглядывала в холодные рыбы глаза и думала о том, что этот человек ее ненавидит. И все-таки не хочет она ему брюхо резать, мерзко ей второй раз его вонючей кровью пачкаться. Когда он ей не нужен станет, так она велит Игнатию его убить. Самой противно.

Торговец освободил стул от всякого хлама, скинул все на пол и с поклоном предложил госпоже сесть. Стул был грязен, запылен, и Агнес сделала жест Уте, указала ей. Та сразу все поняла, быстро подошла и передником своим протерла сиденье. Только после этого девушка с гримасой брезгливости села.

– Я все вызнал для вас, – шепелявил Игнаас ван Боттерен, или Уддо Люббель. – Желаете заказать посуду аптекарскую, большой набор, со всеми колбами, ретортами и печами малыми, со всем, со всем, что может понадобиться, – это будет вам стоить пятьдесят два талера. – Он помолчал и добавил: – Это без моих услуг и доставки.

Агнес посмотрела на него, как на какое-то насекомое мерзкое, и заговорила не о деле, заговорила совсем о другом:

– Отчего у тебя так воняет на первом этаже? Такая там вонь, аж глаза разъедает. Ты что, подлец, не можешь горшок в окно выплеснуть, гадишь прямо в дому у себя? Я и сама теперь воняю, словно в нужнике побывала.

Девушка скорчила гримасу отвращения.

И Уддо Люббель скорчил гримасу, правда, не понять было, что он хотел выразить ею, то ли тоже отвращение, то ли веселости вопросу придать хотел. Он стоял и скалился, а потом с неловкостью продолжил:

– А еще я разослал письма всем известным мне букинистам насчет редких книг, что вам потребны.

Но девушка почти не слышала его, за его гримасой, за его тоном она разглядела то, что чувствовала в людях лучше всего. Мерзавец был не из робкого десятка, а тут как заговорили про нужник, что он устроил у себя на первом этаже, так в нем страх ожил. Да-да, это был именно страх. Хоть и глубоко Уддо его прятал, хоть и заговаривал он его словами, но страх в нем присутствовал. А чего же он боялся? Ну кроме нее, конечно. И чем больше Агнес на него смотрела пристально, тем сильнее его страх становился.

– Просил указать, какие редкие книги у них есть и сколько они за них хотят, – продолжал книготорговец. Он говорил и говорил, а она не сводила с него глаз. Ловила каждое движение,

каждую его гримасу. – И когда они ответят, у вас, госпожа, будет возможность выбрать то, что вам нужно, и посмотреть... – Он не закончил, замолчал, съежился под ее взглядом.

Так и стоял, как смирившийся с участью осужденный на эшафоте перед палачом.

– У тебя что, мертвяк там? – спросила Агнес, не отводя от него глаз своих страшных.

От слов ее он и вовсе оцепенел и теперь смотрел на нее с ужасом, словно смерть свою видел. Точно так же и на эшафоте себя бы чувствовал.

– Ты и гадишь там потому, что завонял мертвяк у тебя, чтобы запах мертвечины перебить, – догадалась Агнес.

Девушка смотрела на старика, а тот на нее не глядел, взгляд отводил.

– Отчего же ты его не вынесешь? – медленно продолжала Агнес. – Убил опять ребенка? Так зачем ты его труп в доме держишь, недоумок ты старый?

В ее голосе показались нотки злости, от этого он, кажется, в себя пришел.

– Так два месяца назад... – начал, запинаясь, Уддо Люббель. – Два месяца, как я уже одного ребенка, мальчонку одного, в проулке выбросил. Так его нашли, родители буйствовали, коммуна местная тоже в ярости была, сержантам стражи велено за проулком смотреть, они так и рыскают по нему ночью. Боязно мне теперь выносить его. Случая удобного жду.

Теперь она смотрела на него, не скрывая злобы, так и горели ее глаза яростью. Ублюдок этот стал для нее опасность представлять, без всякого сомнения. Схватят его рано или поздно, а как палач начнет с него кожу сдирать на дыбе, так Уддо про нее обязательно вспомнит. Из подлости души своей поганой. Чтобы не одному на колесе лежать на площади.

– Не жди случая, – произнесла Агнес, голоса не повышая. Говорила она ровно, но от говора ее даже у Уты мурашки по спине побежали, не то что у книготорговца. – Не жди. Мертвяка порежь на куски сегодня же. Куски заворачивай в тряпки, камни туда клади. И начинай ночью выносить, все в ручьи и канавы с водой бросай, и не рядом с домом, подальше относи. Только без одежды, одежду и обувь сожги. Этаж первый вычисти, сам мой или баб каких найми, но чтобы вони в нем не было. Но прежде убедись, что бабы ничего страшного не найдут. На все тебе три дня даю. Не исполнишь, так лучше беги из города. Хотя куда ты от меня убежишь?

– Я все сделаю, госпожа, как вы велите, – промямлил книготорговец.

Только вот все это Агнес говорила ему, чтобы он не волновался. Она уже все решила. Она собиралась навеститься к нему сегодня же вечером. Или, вернее, ночью.

Она встала. Пошла к двери. Идя к торговцу, девушка хотела с ним поговорить о деле деликатном. О том, что ее волновало сильно, как молодую женщину. Хотела она говорить об отростке своем, что уже на два мизинца вырос из ее крестца и который уже никак было не спрятать, если снимать с себя одежду. Хотела девушка, чтобы Уддо помог ей от знака этого избавиться. Он вроде хвастался в прошлый раз, что такое уже делал. Но теперь, когда она думала, что этот грязный и вонючий выродок к ней хоть пальцем прикоснется, ее начинало тошнить.

– Госпожа! – окликнул Уддо Люббель. Она остановилась у двери, даже головы к нему не повернув. – Госпожа, я написал мастерам, что могут сделать хрустальный шар.

А вот тут она повернула к нему голову, это было ей очень, очень интересно. И книготорговец, видя ее интерес, сразу продолжил:

– Стеклодув Шварц, что известен своим мастерством среди алхимиков, отписался мне, что готов такой шар сделать.

– Говори.

– Сказал, что изготовит такой шар за неделю, просит за него всего сорок талеров.

– А хорошо ли ты его знаешь? – спросила девушка. – Поручишься ли ты за него? Сорок монет – деньги немалые.

– Нет-нет, госпожа, – отвечал Люббель, – я его знаю только понаслышке, ручаться за него не могу.

– Тогда отпиши ему, что денег вперед слать не будем, пусть товар привезет. Тогда я ему и пятьдесят дам. Только пусть наперед напишет, что везет то, что надобно.

– Так и напишу, госпожа, – кивал книготорговец, он даже вздохнул с облегчением, словно чувствовал что-то. – Так и напишу.

– А есть ли в Ланне хорошие хирурги? – спросила у него Агнес, словно вспомнила внезапно.

– Конечно, тут живет знаменитый хирург Отто Лейбус, я его книг продал немало.

– Где его можно найти?

– На улице Святой Магдалины. Прямо напротив околотка стражи, на котором изображение святой. Не перепутаете.

Агнес пошла на выход, но, остановившись у двери, сказала:

– Ты стеклодуву про стекло напиши, конечно, но не забывай: три дня у тебя. – Она показала ему три пальца. – Три дня.

– Я помню, госпожа. – Уддо Люббель низко поклонился ей. – Я все сделаю, как вы велели.

* * *

Отто Лейбус смотрел на посетительницу внимательно, взгляд его был хуже десятка вопросов, он ждал, что госпожа еще скажет.

– Агнес, – повторила она. – Я племянница кавалера Фолькофа. Может быть, вы о нем слышали?

– Как же не слышать? Конечно, я слышал о нем, это он привез серебряную раку из Ференбурга, я даже знал его немного, он был как-то у меня перед поездкой в чумной город, – спокойно говорил знаменитый врачеватель, все еще внимательно разглядывая девушку.

Вот как? Старик хирург знал ее господина? Это все меняло, теперь Агнес уже расхотелось разговаривать с ним на ту тему, ради которой она к нему пришла. Она встала.

– Спасибо, что приняли, думаю, что зря вас побеспокоила. Интерес мой пустой был, пойду я.

– Стойте, – строго сказал он. – Вижу я, что вы взволнованы, думаю, что интерес ваш был не пустой.

Девушка остановилась в нерешительности. Кажется, врачеватель внушал ей доверие. Да и дом у него был интересен: большие окна, лампы красивые, стол со столешницей из белого камня, книги, книги, книги повсюду, исписанные бумаги, странные инструменты, человеческий скелет в углу.

– Коли вы пришли с тайной хворью, – продолжал Отто Лейбус, его явно заинтриговала эта умная девушка, – клянусь распятием, что тайна ваша останется тут.

– А если тайная хворь такова, что удивит вас и вы откажетесь мне помогать, так вы тоже тайну сохраните? – в нерешительности спросила Агнес.

– Клянусь, ваша тайна останется со мной. – Он улыбался. – Да и нет таких хворей, ни у мужей, ни у жен, что я еще не видал. Уж вы мне поверьте.

– Нет таких хворей? – переспросила Агнес.

– Все болезни людские, что описаны, все я видел, – не без гордости говорил хирург. – А те, что не описаны... Ну, таких я не знаю...

– Раз вы хирург, – сказала девушка, – то, видимо, удаляли...

– Что? Опухоли, родинки, бородавки, жировики, вросшие ногти, костные наросты?

– Ну... – Она не решалась ему сказать.

– Говорите, не стесняйтесь, – продолжал Отто Лейбус, – я делал разные операции. Если бы вы знали, сколько я отрезал рук и ног. Говорите, что вас беспокоит.

– Меня беспокоит одна вещь... Которой быть не должно.

– Покажите.

– Она в таком месте...

– Понимаю, в таком месте, которое видеть должно только мужу.

– Да, – вздохнула Агнес с каким-то даже облечением. – Именно.

– И доктору. Понимаю, для девицы перед замужеством очень важно, чтобы все было красиво, чтобы жених не отвернулся на брачном ложе от нее.

– Да, – согласилась девушка.

– Показывайте, я сейчас зажгу лампы, – велел он, вставая.

– Но это... В таком месте... – Агнес опять говорила нерешительно, даже стесняясь, что было совсем не в ее нраве.

– Ах, дитя мое, вряд ли вы меня чем-нибудь удивите, – отвечал старый хирург, зажигая необычные лампы одну за другой и ставя их на стол. – Я все уже видел и у мужей, и у жен тысячу раз. Где то, что надобно удалить?

– Тут... – Она вздохнула. – На крестце.

– Влезайте на стол, становитесь на колени, я взгляну и скажу, можно ли ее удалить. Прошу вас, вот скамеечка, вставайте и влезайте на стол.

Агнес делала то, что он велит. И очень при этом волновалась, она даже поискала глазами Уту, кажется, нуждаясь в поддержке, но служанку врачеватель не впустил. Наконец, девушка залезла на стол и встала на колени. А врач подошел к ней сзади и поставил рядом лампы.

– Давненько, давненько я не задираю девицам юбок, – сказал хирург, копясь в ее одежде, – уж и забыл, как это делается.

Тон его был спокоен, а вот Агнес волновалась. Наконец, он поднял ее юбки и... застыл! Девушка вдруг улыбнулась, хоть ее поза и не располагала к улыбкам. Она не видела лица Отто Лейбуса, но буквально чувствовала растерянность. Девушка одернула юбки, слезла со стола, уставилась теперь уже в серьезное лицо старого врачевателя.

– Так что, доктор? Видали вы такое? Сможете мне помочь? – Агнес едва не смеялась, хотя смеяться ей не следовало бы. Дело-то не очень и смешное выйдет, донеси он на нее. – Ну, господин Лейбус, сможете?

Он молчал. Тогда Агнес полезла в кошель и достала из него маленький красивый флакончик:

– Коли поможете мне, расплачусь с вами вот этим.

– А что это? – растерянно спросил старик.

– Это снадобье. Если намазать его на шею женщины, то оно рождает в ближних к ней мужчинах страсть неумную и придает им мужских сил. Впрочем, могу заплатить и серебром.

– Приходите завтра, госпожа, утром, пока света много и глаза мои еще видят, – сказал врачеватель, немного подумав. – С собой возьмите тряпок побольше.

– Так какую плату вы пожелаете? – спросила девушка, улыбаясь. – Снадобье или серебро?

– Хочу испытать снадобье. Хочу знать, неужели такое возможно.

Выходя от хирурга, Агнес думала о том, что все у нее, кажется, получилось. И можно было радоваться успехам сегодняшним, вот только поняла она, что денег у нее осталось мало. Сто талеров да один золотой! Что это? Этого ни на что не хватит. Ведь ей и посуда аптекарская, и шар хрустальный, и, может, услуги хирурга потребуются. И на все это деньги надобны. А жить еще, людишек своих содержать, лошадям корм, они жрут как не в себя, за дом платить, платьев новых хочется, книг. Всего. И на все деньги, деньги, деньги потребны. Серебро хотя бы. А лучше золото. Да, денег ей нужно много, очень много. Так и сидела она в карету с лицом задумчивым. И дума у нее была лишь одна.

Глава 7

Странным был брат Семион. Смотрел на него Волков и удивлялся: как будто два разных человека жили в этом немолодом, начинающем уже лысеть монахе тридцати с лишним лет. Иной раз так удивлял он кавалера умениями своими, знаниями и продуманностью. О чем бы ни шла речь – про все знал, а чего не знал, так про то и не заикался. Во всем продуманность чувствовалась, обо всем, кажется, уже размыслил наперед. Писание знал едва ли не наизусть. При таком бы уме ему епископом быть, но нет. В жадности своей пределов не знал, до глупости скатывался. Дом тому пример. Взял и почти все деньги, что епископ ему на церковь выделил, на дом для себя потратил. Да еще не ведая наперед, не придется ли отсюда бежать, бросив все под факелы горцев. Не дурак ли? А еще запойный он был. Как начинал вино пить, так одним стаканом не обходился – пил допьяна. Мог не пить месяц, а как пригубит, так его как прорывало. И еще одна беда у него была – даже трезвый не мог он мимо баб спокойно ходить. Всякую, что молодая и что старая, он желал причастить да исповедать. Да еще «в шутку», коли муж не видит, за грудь приласкать, а то и за зад ущипнуть. И это если трезв. А уж если пьян, то совсем дураком становился. Кабак едва-едва открылся в деревне, а кабатчик уже приходил жаловаться, что поп ходит часто. И ладно, если бы просто пил. Так он девок местных, страшая геенной огненной за блуд, тут же к блюду склоняет. И за дело их не давал им ничего, ни крейцера. Обещал только молиться за них и причащать их, исповедовать, грехи им отпускать.

Да и черт бы с ними, и с девками, и кабатчиком, но что это за поп, что за святой отец, если он по кабацким девкам ходит? В чем тогда святость его, если он в кабаке не пойми с кем якшается? Пришлось Волкову делать попу выговор.

Как всегда, брат Семион с легкостью дал ему обещание с непотребствами покончить, да вот только кавалер уже знал цену его обещаниям и пригрозил, что, если тот не образумится, попросит у епископа другого попа на приход Эшбахта. Тут уже монах призадумался. Знал, что кавалер слов на ветер не бросает.

Но, когда было нужно, дело свое брат Семион знал. Со свадьбой Рене он опростоволошиться не хотел и начал приготовления загодя. Так как церкви не было, он испросил разрешения провести церемонию во дворе господского дома. Двор-то немаленький, сколько бы людей ни пришло – все бы влезли. Господин Эшбахта хоть не рад оказался тому, да отказать не мог, никак сестра родная замуж выходит. Двор подмели, лишнее убрали, соорудили амвон, тряпкой накрыли, алтарь воздвигли. Все еще вечером было сделано. Волков сестре в приданое дал четыреста монет. Жалко, конечно, но не мог же он своей сестре выделить меньше. А еще отписал ей в приданое одну девку дворовую, самую визгливую и суматошную, что его вечно раздражала нытьем и препирательствами. И болван Рене, как о том узнал, пришел благодарить, пришел с Бертье. Старый дурак шляпу от неловкости мял, в глазах у него слезы стояли, говорил, что благодарит Бога, что встретил Волкова на склоне лет. А кавалер только раздражался от этого. Он и так не очень рад был тому, что отдает сестру за Рене.

– Будет вам, хватит, Арчибальдус, – морщился кавалер, отмахиваясь. – Прекратите вы это.

– Он просто благодарен вам, брат, – заступалась за жениха Тереза. – Он говорил мне, что я сама большая драгоценность, а тут еще и деньги вы за меня дали, и холопку. Вот он и расчувствовался.

– Вот так вот! – удивлялся Бертье, слушая это все. – Это же какой вы, оказывается, ловкач, Рене. Жену приятную себе отхватили, так еще и приданое с холопкой взяли. Ну, вы ловки как угорь, Рене.

– Да не ловкач я, о чем вы, друг мой? – отвечал ротмистр, прикладывая руку к сердцу. – Я только на сестру господина Эшбахта претендовал, а приданое он сам выписал. От щедрот своих.

– Как же вам повезло, Рене, – не успокаивался Бертье и тут же оживился: – Кавалер, а сколько лет вашей старшей племяннице? Может, вы за меня ее отдадите?

Говорил он это, кажется, серьезно, и притом обе племянницы стояли тут же и слушали разговоры взрослых.

– Идите вы к черту, Бертье! – зло сказал Волков, которого все сильнее раздражала эта ситуация.

– Господи, Гаэтан, – махала на Бертье рукой Тереза, мать девочки, – что вы, у нее еще и кровь не пошла.

– Ну, через год-другой пойдет, – беззаботно заявил Бертье, – пока же можно и обручиться, а я подожду, когда невеста станет для свадьбы пригодна.

– К черту, Бертье, – только и мог ответить Волков.

А Тереза так и вовсе не нашлась, что сказать веселому ротмистру, только смотрела на него ошарашенно.

– Мама, так я не поняла, дядя меня отдает замуж или нет? – спрашивала девочка у матери то ли со страхом, то ли с восторгом, как только офицеры покинули дом.

– Нет, – за мать отвечал ей Волков, – молода еще. Учи грамоту пока.

На том дело не кончилось. Когда вроде все успокоилось, так госпожа Эшбахта, кривя губы, стала господину Эшбахта выговаривать:

– Что это вы моих холопок раздаете?

Это все Тереза слышала, которой та девка в приданое полагалась. Волков ответил жене едва ли не грубо:

– Не ваша она. Всех холопов ваш отец дал за вами в приданое мне. – И добавил, подчеркивая: – Дал мне! Все холопы дворовые – мои. Хочу – отдаю, хочу – продаю. И вас о том спрашивать мне не надобно.

Госпожа Эшбахта не ответила, но осталась сидеть злая. Делала вид, будто рукоделием занимается. Волков же сидел за столом и слушал, как девочки с братом Ипполитом учат слова, которыми писана святая книга. И кажется, он опять ненавидел эту женщину.

* * *

Господский двор был велик, а все равно все желающие поглазеть на свадьбу ротмистра Рене и сестры господина Эшбахта во двор не влезали. Одних солдат из рот Рене и Бертье пришло человек сто пятьдесят. Волков велел вперед баб пускать. Прибыли местные бабы и те, которых силком из-за речки привезли. Многие уже пузатые. Женщины и дети стояли в первых рядах.

А самыми первыми теснились блудные девки из трактира, им-то своей свадьбы даже во снах не увидеть было, так хоть чужую хотели посмотреть. Позавидовать. А еще народ шел, так как знал, что ротмистр заказал из города угощения, и их уже привезли. В общем, для всех получился праздник.

Перед алтарем поставили два кресла: для господина Эшбахта и для госпожи; еще был стул для Карла Брюнхвальда, тот еще не совсем окреп после ран. Все остальные стояли. Брату Семиону помогали, конечно же, брат Ипполит да еще двое мальчишек из местных, а также особо верующий солдат из людей Бертье.

Брат Семион был великолепен и торжественен, когда это требовалось, и остроумен, когда возможно. Невеста была прекрасна, румяна и свежа, как и положено невесте, несмотря на ее

немолодые годы. И жених казался особенно торжественен и серьезен. И счастлив. И на невесту смотрел совсем как молодой.

Поп закончил дело быстро, всем не терпелось перейти к угощениям, кажется, и сам брат Семион был к этому расположен. А вот Волкова к концу церемонии стал опять бить озноб. И шея запылала, будь она неладна. Поэтому со всеми за столы он не пошел, напомнил офицерам, чтобы изрядно не пили, так как завтра им надобно быть к утренней службе в Малене в лучшем виде и с лучшими людьми. Их там ждут, поэтому придется выйти затемно. Офицеры пообещали прибыть вовремя, и тогда кавалер с братом Ипполитом пошел к себе в дом, где монах стал снова его лечить.

Глава 8

Уже рассвело, хмурые, наверное, от утренней прохлады, стражники с трудом разводили огромные скрипящие створки южных ворот в разные стороны, уже поехали в город первые телеги, на которых мужики везли всякие товары: от дров до гусей. Телеги начали было выстраиваться в очередь на въезд, мужики и купцы собачились из-за места поближе к воротам, грозились, хватались за кнуты. Но стражник, что стоял на башне, вдруг прокричал что-то. И сержант, который должен был осматривать телеги, заорал на мужиков и купчишек, чтобы они побыстрее дорогу освободили.

Люди думали, не граф ли едет, отчего спешка такая. И тут на южной дороге появились добрые люди. Шли они колонной по четыре, все в хорошем доспехе, все при добром железе, с пиками и алебардами, а последние двадцать при мушкетах на плечах. По краям колонны и впереди сержанты, их сразу видно, они с белыми лентами на локтях. А главный сержант, прапорщик, нес ротный баннер бело-голубой. Перед ними ехали офицеры. Их трое, все на хороших лошадях. Все тоже при железе, в шляпах, бело-голубые ленты поверх кирас. А уже перед офицерами два оруженосца, люди молодые и видные, один велик, другой красив. Тот, что красив, держал большой штандарт бело-голубой, а на нем черный ворон со злым глазом и факелом в лапах. А уже перед ними на коне-красавце ехал рыцарь. Сам он в доспехе, что покрыт узором диковинным, но доспеха не видно, только руки да ноги выглядывают, так как поверх доспеха надет бело-голубой халат, что зовется фальтрок. На голове у рыцаря берет черного бархата с пером белым. Сам он важен, строг. А пред ним на простой лошадке едет неприятного вида мужичок со злыми глазами, сам в хорошем платье, едет и орет, людей пугая:

– Прочь! Прочь с дороги! Кавалер Фолькоф едет! Кавалер, которого кличут Инквизитором.

– Кто таков? – спрашивали друг у друга мужики и купцы.

– Да как же, – отвечали им те, кто знает, – то Инквизитор, говорят, он в Хоккенхайме всех ведьм пожег. Вы что, не слышали? Этой весной же случилось. Все о том говорили.

– Да нет, это тот, что на Марте горцев побил крепко, – говорили другие.

– Горцев? Из кантонов? Из-за реки? – не верили люди.

– Их, их.

– Да когда же такое было? – все сомневались мужики и купчишки. – Что-то не помнится такое.

– Да неделю как... – смеялись над теми, кто не знал эту новость. – Вы что же, не слышали, все на рынке только о том и говорили всю неделю. Видно, вы из глуши приехали.

Дальше не успели люди поговорить.

Наверное, все, кто был на дороге и у ворот, вздрогнули, когда с башен вдруг резко и пронзительно завывли трубы. А потом глашатай хорошо поставленным голосом закричал сверху, чтобы всем было слышно:

– Город Мален, все коммуны его, святые отцы и епископ, консулат и нобили, гильдии и свободные мастера, торговцы и черный люд – все приветствуют славного кавалера Фолькофа и его людей, что побили еретиков, воров и собак из кантона Бреген, которые надумали вылезти на землю графства Мален!

– Вот. Ясно вам теперь, кто это? – говорили люди друг другу. – Тот самый рыцарь, что побил еретиков на Марте.

Ну, теперь-то всем было ясно.

Снова завывали трубы, а за воротами ударили барабаны. Когда Волков въехал в ворота, его встретили двенадцать барабанщиков и толпы народа. Тут же на ближайшей церкви ударили колокола. Барабанщики шли впереди, выбивая «походный шаг», который время от времени прерывался какими-то замысловатыми барабанными фокусами. Это было красиво, барабанщики дело свое знали. Били колокола, люди выходили к улице, по которой ехал Волков, все его приветствовали, а он всем кивал, но не очень уж милостиво. Только людям видным, что попадались по пути, кавалер кивал вежливо. А некоторым, лица которых помнил, даже махал рукой. Все это напоминало ему тот день, когда он привез раку в Ланн. Только вот Ланн раза в два больше Малена, поэтому доехал Волков до главного собора города в два раза быстрее.

Как в Ланне встречал его на ступенях собора архиепископ, так и в Малене на ступенях собора стоял епископ. Как и в Ланне, площадь окружало не менее тысячи зевак. Барабаны били, трубы ревели, колокола звонили, зеваки кричали кавалеру славу. Нечасто им в Малене доводилось встречать тех, кто побил злобных горцев. А Роха от озорства велел стрелкам зарядить мушкеты порохом, но без пуль, и дать залп в воздух. К шуму добавились еще и клубы серого дыма.

Волков спешился, подошел к епископу, встал перед ним на колени и, сняв берет, склонил голову. Старый епископ, отец Теодор, благословил его святым знамением, а потом поднял с колена, стал целовать троекратно и говорил при этом:

– Не знаю, выпадали ли мне дни радостнее, чем этот. Может, и случалось такое, да их я не помню уже. Пойдемте, пойдемте, сын мой, буду читать мессу я в честь вас, все лучшие люди города уже собрались, ждут.

Они так и вошли в храм рука об руку. Шли медленно и торжественно по проходу меж лавок. Волкову и епископу все кланялись. В храме черни не было, даже в последних рядах стояли люди достойные, с женами и детьми пришли. Епископ и Волков всем отвечали. А уж те, кто находился в первых рядах, у амвона, так то всё городские нобили. Были в соборе и те, что Волкову денег занимали, были и те, кто приезжал к нему заем обратно требовать. Всем, всем кавалер улыбался и кланялся. Ему отвели место прямо между бургомистром и имперским штатгальтером. За ними сразу сидел первый городской судья и казначей городской палаты консулов, а также другие важные люди, а во втором ряду разместился барон фон Фезенклевер. Рядом с ним другие земельные сеньоры, которых Волков видел на смотре и турнире у графа. Кавалер махал баронам и сеньорам рукой как старым знакомцам. Улыбался остальным.

Епископ был стар и мудр. Мессу затягивать не стал, ни к чему это было, говорил ярко и кратко – о тех, кто утратил веру, сошел с пути истинного, стал яриться и упрямиться в неверии своем. Епископ говорил о том, что тех, кто упорствует в ереси своей, достигнет кара Господня.

– Остерегайтесь в слепоте своей дерзостью своею гневить Господа нашего всемогущего, ибо всегда на дерзкого найдется кара. Всегда дотянется до всякого еретика длань Господня. И в то утро на реке Марте дланью Господа стал сей рыцарь Божий, – епископ указал на Волкова, – что сейчас сидит среди нас! Имя его Иероним Фолькоф фон Эшбахт. Он и есть Длань Господа, так пусть он и будет ею впредь. Аминь!

– Аминь! Аминь! Аминь! – неслось по рядам, люди вставали на колени, истово крестились.

Волков слышал похвалы не в первый раз, но сейчас все было иначе, гораздо проникновеннее. Слова епископа трогали суровое сердце кавалера. Он подумал, что нужно было сюда жену свою взять. Может, стала бы она уважать его больше после того, что о нем говорили. Не боли у него шея, так и вовсе ощущал бы счастье. Еще бы, епископ при всей знати графства звал его Дланью Господней. Было от чего возгордиться. Конечно, Волков не знал, чем все закончится, может, его убьют горцы, а может, герцог отправит в тюрьму, но ради таких минут стоило идти к реке, стоило драться в тумане на рассвете. Стоило рисковать жизнью.

Он был вместе со всеми знатными людьми графства Мален, стоял в первом ряду и молился с ними вместе. Только вот не болела бы шея, и все вообще стало бы прекрасно.

Когда епископ закончил и подошло время причащаться, первым к причастию был позван Волков. И никто не думал оспаривать этого, ни один из городских нобилей не посмел стать первым к вину и хлебу. Все признали его первенство, во всяком случае, в этот день.

– Не уезжайте сразу, – сказал епископ тихо, давая кавалеру «кровь и плоть» Господню. – Я велел приготовить обед, на него соберутся все достойные люди графства. Разве что графа самого не будет. Офицеры пусть с вами придут, и для людей всех ваших тоже накроют столы. Это было бы прекрасно, да вот все та же шея не давала ему покоя.

– Да, я буду, – отвечал кавалер. – Если недуг не заставит меня искать уединения.

– Неужто так силен ваш недуг? – участливо спрашивал епископ.

– Рана совсем мелкая, а докучает словно большая, – отвечал Волков, разглаживая ноющую шею.

– Страдайте, страдайте, сын мой, в страдании сила ваша, как жар рождает хороший меч, так страдание рождает сильного человека, – сказал мудрый поп.

Волков взглянул на него нехорошо и едва не спросил, не хочет ли старик прийти и пострадать вместе с ним хоть немного, когда горцы опять переплывут реку, но промолчал, ума хватило, только вздохнул.

Пир был ранний и не такой богатый, как давали власти Хоккенхайма после сожжения ведьм. Но тоже проходил в городской ратуше и тоже был многоядный. Волкова посадили между епископом и бургомистром. Все славили победителя горцев, поднимали за его здоровье кубки, негромко играла музыка, важные господа интересовались подробностями речного дела, внимательно слушали рассказ, хоть и был он немногословен. Все спрашивали про рану, желали выздоровления. Ближайшие господа, жены и дочери лучших людей Малена, дважды спрашивали, отчего кавалер без жены, может, беременна она. И когда узнавали, что нет, то желали ей скорейшего бремени, а ему здорового наследника. Он благодарил женщин вполне искренне: они желали ему как раз того, чего и он сам себе желал всем сердцем.

А тут после второй перемены блюд какая-то суета прошла в дверях ратуши, даже музыка прервалась на несколько секунд. Стало в огромном зале вдруг тихо, и полетели слова негромкие:

– Графиня.

– Там графиня?

А Волков суете значения не придавал, говорил он с важным господином, имени которого даже не помнил, о всякой ерунде, что касалась вооружения городской стражи. А епископ, похлопав его по руке, говорил:

– Вот так гости. Не к вам ли, кавалер?

Волков поднял глаза и увидел ее. Это была графиня. Брунхильда шла по залу среди столов и лавок в сопровождении двух молодых женщин. Шла уверенная в себе красавица, румяная, улыбающаяся, чуть располневшая, шагала бодро, чуть подбирая дорожные юбки. Настоящая графиня фон Мален. Все мужи вставали, когда она проходила мимо, кланялись ей, а она кивала и милостиво улыбалась, а глазами искала его. Конечно, его. А увидав, направилась напрямиком к кавалеру. Волков едва успел вылезти из-за стола, встать из кресла, как она, не

стеснясь сотен глаз, кинулась ему на шею, обняла крепко, как умела, и как раз на рану при-
шлись объятия ее. Ох и крепки были ее руки, больно стало, но он терпел боль, только приго-
варивал негромко:

– Ну, довольно уже, хватит, весь город смотрит.

А сам так и стоял бы с ней и стоял.

Она оторвалась, наконец, от него и заговорила громко, словно тут никого не было, с
укором:

– Опять вы за свое, братец? Опять войну затеяли? Граф просил вас с горцами мириться,
а вы их опять били? Господи, немолоды ведь уже, другие господа, вон, охотой развлекаются,
а у вас другой забавы, кроме войны, и нет.

– Да что ты, глупая, – улыбался Волков, не выпуская ее рук из своих и глядя ей в лицо, –
порадовалась бы за меня, а ты упрекаешь! Победил же я!

– Хватит уже побед с вас, сколько можно? За славой своею гонитесь все, говорят, вас
опять ранили, опять вы в самую свалку лезли. А ведь мало ли что на войне может приключи-
ться! – Она взяла его руку и положила себе на живот. – И племянник своего дядю даже не
увидит никогда.

Он стоял и боялся пошевелиться, чувствуя под рукой своею ее живот.

Все, кто слышал их разговор, улыбались и смеялись, так хорошо сестра отчитывала стар-
шего и влиятельного брата, словно он ребенок был неразумный. И женщины, видя такую сест-
ринскую любовь, тоже улыбались. Молодец графиня. Так его, пусть оправдывается.

– Так не я же к ним пришел, дорогая моя, они ко мне, – говорил Волков, не отводя руки
от живота Брунхильды.

А тем временем епископ просил гостей пересесть на одно место от себя, чтобы осво-
бодить графине кресло. Лакеи стали переставлять тарелки и кубки, а гости беспрекословно
просьбу епископа выполнили. Старый поп предложил свое место графине.

Снова зазвучала музыка, Брунхильда села подле «брата» и смотрела на него, взгляда не
отрывая, говорила негромко:

– А граф на вас зол, и молодой граф зол, все думают, как быть с вами, давно бы уже
вас к герцогу отправили, да все в графстве за вас: и сеньоры, и чернь, и купцы. Вот они и не
решаются.

– Да черт с ними, – махнул рукой Волков, он и так об этом догадывался. – Ты скажи,
как ты, как чрево твое?

– Повитухи говорят, что я крепка, как кобыла, чрево доброе, плод растет как надобно.
Только плачу все время да тошнит часто.

– Плачешь? – удивился кавалер. – Отчего же графине плакать?

– Плачу, плачу. Все время глаза на мокром месте, – говорила она, и вдруг в голосе ее
слезы послышались. – Как про вас услышу, так плачу. Слух пришел, что вы воевали, муж в
злобе, я рыдаю, думаю, не убили бы вас.

– Глупая, – вздохнул кавалер. Ему захотелось успокоить ее, прикоснуться к щеке рукой,
да люди вокруг. – Хорошо все со мной, рана небольшая. Ты, вон, меня сильнее, чем горцы,
сейчас душила.

– Так отчего же не пишете мне? – заговорила Брунхильда, платок доставая и вытирая
глаза. – От купчишки виноторговца узнала, что сегодня в Малене обед в честь вас давать будут.

– Буду писать, – обещал Волков.

– Пишите, – говорила она чуть не с мольбой, – а не то плохо мне в замке, оттого и рыдаю
целыми днями, столько рыдала за месяц, сколько за всю жизнь не рыдала.

– Так отчего ты же рыдаешь? – не понимал Волков.

Она придвинулась совсем близко и заговорила:

– Живу во злобе, смотрят на меня все в замке и ненавидят.

– Да кто же?

– Да все! Все, кроме супруга. Сыновья его не любят меня, жены их гримасы корчат, особенно молодой граф не любит. Он говорит со мной как сквозь зубы цедит. Рыцари графа и двор его тоже, родственники-приживалы тоже, даже лакеи и холопы мне свое пренебрежение показывают. Перины мои мокры были, просила просушить, так бросили их в угол, весь день там пролежали, я видела, а к вечеру положили их в кровать, говорят – высохли. И морды заносчивые, с ухмылочками. Живу среди змей.

Волков от всех этих слов наливался злостью, темнел лицом на глазах. Уже не рад был, что отдал ее за графа.

– Семейку графа – терпи, зубы стисни и терпи, – произнес он уже тем тоном, которым всегда говорил, когда решения принимал, тоном тяжким и холодным, – а для холопов хлыст заведи, рука у тебя тяжелая, мало им не будет, не жалея скотов. Одного прикорми, который поразумнее, побалуешь серебром, чтобы был у тебя человек хоть один верный. Но так дело веди, чтобы все остальные о том не знали. Деньги есть у тебя?

– Есть, есть, – говорила она, – у супруга денег столько, сколько и у вас не видала, мне ни в чем не отказывает. Любит. Он хороший человек, единственный хороший во всем доме.

– Так заведи себе друзей среди холопов, кроме мужа пусть еще друзья будут. И терпи, главное – роди наследника графу, и поместье Грюнефельде на века твоим станет. Ничьим больше, только твоим!

– Да, да, – говорила Брунхильда и кивала, – рожу, коли Бог даст. А завтра к герцогу уедем, зовет к себе в Вильбург. Хоть неделю этих родственников видеть не буду.

– К герцогу? – насторожился Волков. – А знаешь, зачем он графа зовет?

– Так все из-за вас, зачем же еще. Как в замке проведали, что вы горцев побили, так там суматоха два дня стояла. Не знали, что делать. Боялись, что война начнется. Герцог мужу каждый день письма присылает, спрашивает, не пришли ли люди от горцев войну объявлять, муж ему отвечает, что нет пока.

Волков полез в кошель, нащупал там маленький флакончик, достал и вложил его в руку красавицы:

– Это редкий эликсир, от него любой муж к жене, что им помазала шею, страстью воспыхает.

– И где же вы взяли такое? – едко поинтересовалась графиня.

– Агнес сварила, – ответил кавалер.

– Ах, конечно, без этой ведьмищи не обойдется! – Брунхильда привычно поджала губы.

– Я тебя им мазал, когда к графу ездили.

– Да помню я, – отвечала графиня, тайком разглядывая флакон. – Вот отчего он на меня слюной-то исходил.

– Он бы и так изошел, это просто дело ускорило, – улыбнулся Волков. – Теперь поедешь к герцогу, так тоже помажься, околдуй и его, чтобы был помилостивее.

– Спать мне с ним? – удивилась Брунхильда. – С герцогом? Да вы рехнулись, братец. Меня тошнит все время и без мужчин старых.

Она поморщилась и отпила вина из кубка.

– Да не спать, очаруй его, ты же умеешь.

– Ладно, – кивнула она, пряча флакон за лиф платья, – лишь бы муженек мой от зелья этого не зверел. Я его от себя отвадила на время бремени, говорю, что тяжело и так, тошнит все время. А он все равно лезет, хоть раз за день, да под юбку полезет пощупать, как там все. Старый, а неугомонный.

Она говорила как будто специально, еще и улыбалась при этом, хотя по лицу кавалера видела, что не нравились ему такие слова. А ей нравились как будто.

– Ладно уж, возьмусь за герцога, – сказала графиня благосклонно.

Она была довольна, и он был доволен, кажется, встречей. Хотя оба немного грустили и под столом они держали друг друга за руки.

Глава 9

Долго Брунхильда просидеть не смогла, поела кое-чего поначалу с аппетитом, но вскоре ей стало душно, и она, поцеловав кавалера по-сестрински, откланялась. Господа снова вставали, когда она уходила. Уехала к себе в поместье. Завтра далеко им с мужем ехать.

То ли от радости видеть ее, то ли от вина шея у него прошла. Но настроение не улучшилось. А тут еще к нему пришли просители, причем такие, что сразу и не откажешь.

– Кавалер, не соблаговолите ли выслушать просьбу достойного человека? – шептал ему на ухо бургомистр.

Волков тут же понял, что просьба окажется обременительна, но разве скажешь «нет» бургомистру?

– Отчего же, конечно, выслушаю, – отвечал кавалер.

Бургомистр сделал кому-то знак и снова заговорил:

– Добрейший господин Фейлинг, важный горожанин, дважды был в консульате, вы его знаете, вот он идет, он будет просить вас о чести.

И действительно, к столу, за которым сидел кавалер, шел дородный и высокий господин, а с ним два молодых человека, явно не из простых. И да, Волков помнил этого господина, он был одним из тех, кто ссужал ему золото. Все трое, встав с другой стороны стола, поклонились кавалеру и бургомистру. Старший, тот, что занимал Волкову денег, заговорил после поклона:

– Славный рыцарь, смею ли я надеяться на высокую честь, что вы окажете моему четвертому и моему пятому сыну и возьмете их в обучение?

В зале стояла тишина, музыка смолкла, разговоры затихли, женщины тянули шеи, пытались расслышать слова, а некоторые из мужей так и вовсе вставали с мест и шли поближе к разговору.

Волков даже растерялся немного от такой неожиданной просьбы и ответил слегка удивленно:

– Друг мой, а какому же ремеслу я их обучу? Пекарь или гончар из меня никудышный.

По залу покатился смех, люди стали передавать его слова тем, кто не расслышал.

Господин Фейлинг тоже улыбался, он, как и все вокруг, ответ воспринял как шутку. И продолжал с улыбкой:

– Не пекарскому ремеслу прошу я учить моих сыновей, а искусству, которым вы владеете в совершенстве. Прошу учить их делу воинскому.

– Прямо так и в совершенстве? – поморщился кавалер. Он повнимательнее оглядел молодых людей, что стояли пред ним, и брать в услужение не захотел. – Отчего же вы так думаете? По делу одному обо мне судите. А может, то случай удачный был?

– Так мы про вас все узнали, – заверил его бургомистр. – Мы про ваши дела в Ференбурге вызнали. Вы и там еретиков крепко били, знаменитого рыцаря Ливенбаха убили, шатер его забрали. Будьте уверены, кавалер, господин Фейлинг кому попало своих чад в обучение не доверит.

Волков посмотрел на бургомистра, потом еще раз на молодых господ Фейлингов. Одному лет шестнадцать – стар уже учиться-то. Второму лет четырнадцать. Типичные городские барчуки. Бархат да кружева. Какое им дело воинское?

– Если думаете, что пойдут они к вам пустые и станут обузой, – продолжал господин Фейлинг-отец, поймав его взгляд, – то не думайте так, пойдут они к вам в полном доспехе и при полном оружии, на хороших конях. А при них еще и по два послуживца, тоже конные. Тоже при доспехе и оружии.

Шесть человек да шесть коней? И все на его счет? Нет уж, точно не хотел он брать никаких людей к себе в учение. В бою от этих юных господ, что всю жизнь жили в сытости и достатке, прока, скорее всего, не выйдет, а расходы на них ежедневные обязательны. Все в зале ждали его ответа.

– Живу я бедно, замка у меня нет, – наконец начал он после раздумий, – оруженосцы мои спят в людской, вместе с холопами. Ходят за моими лошадьми вместо конюхов, едят то же, что и холопы: и бобы, и горох, и даже просо. Не будет вам, юные господа, отдельных покоев и изысканных кушаний. И ласки от меня не ждите, люди мои меня добрым не считают, сами мне о том говорили.

– Дозвольте мне сказать, отец, – произнес негромко старший из сыновей.

Отец кивнул ему в ответ.

– Господин рыцарь, – заговорил юноша, – вы в наших краях человек новый и о том не знаете, что род Фейлингов уже три сотни лет служит городу и гербу Маленов. Среди наших предков были известные воины. Я, Эрнст Фейлинг, говорю вам: фамилию Фейлинг не напугают лишения и тяготы, для нас станет честью жить при вас там, где вы укажете.

– Друг мой, – зашептал в левое ухо кавалеру бургомистр, – не отказывайте Фейлингу, он человек влиятельный, да и в самом деле, нашему городу нужны толковые офицеры. Пусть молодежь у вас поживет, пусть среди ваших людей побудет, поучится, вам сие зачтется, зачтется, не сомневайтесь.

В словах бургомистра был смысл, кавалер задумался.

И тут же... Волков даже вздрогнул от неожиданности, когда за спинкой его стула появился брат Семион и зашептал ему настойчиво в ухо правое:

– Берите, берите их, господин. Берите всех, кто попросится. Чем больше у вас соберется знатных людей графства, тем тяжелее будет герцогу вас сгрызть. Поживут у вас до весны, авось прокормите, не пригодятся – так попросите до дома ехать, а если горцы опять сунутся, так шесть всадников лишними не станут. И горожан порадуете, что не брезговали ими.

С этим монахом спорить было невозможно, всегда продуманна речь его, всегда логична. Да, несомненно, кавалер прокормит шесть людей и шесть лошадей. И они окажутся полезны, когда... Когда придут горцы. И в другом монахе опять прав: кавалеру нужно крепить узы с городом – кажется, в графстве по своему влиянию город был значительнее самого графа. Крепить узы...

– Господин Фейлинг, – заговорил Волков после паузы, – думаю, нет нужды говорить вам, что не берусь обещать, что сыновья ваши и живы, и здоровы будут при мне. Сами знаете, что смерть и увечья к воинскому ремеслу прилагаются.

– Знаю, кавалер, я-то знаю, – отвечал Фейлинг, оглядывая зал и обводя его рукой. – И про то все знают, что в деле у реки вы сами получили рану. О том все говорят, что шли вы в первом ряду людей своих. А раз вы сами получили рану, то и другие могут и рану получить, и смерть принять.

– Ну что ж, я предупредил вас, и коли с сыновьями вашими случится что, то ни от вас, ни от женщин рода вашего я укора не приму.

– Да будет так! – воскликнул Фейлинг-старший.

– А вы, вы, – Волков указал пальцем на самого молодого из Фейгелей, – не боитесь смерти? Не испугаетесь сражения?

– Не боюсь, кавалер, – отвечал юноша. – Совсем не боюсь.

– Молодость никогда не боится смерти, – с улыбкой заметил епископ и вздохнул. – Ах, молодость! Прекрасная пора.

Все стали улыбаться вместе со старым попом. А юноша вдруг опять заговорил – звонко, на весь зал, чтобы перекрыть гул:

– Кавалер, если вы меня возьмете, то для меня это будет тройная честь, я клянусь, что не испугаюсь, будь против меня хоть дюжина горцев.

– Тройная? – улыбаясь, спросил бургомистр. – Расскажите же про три ваши чести.

Все притихли в зале, всем было интересно узнать.

– Первая честь – служить своему роду, – гордо начал юноша, – вторая – служить своему городу, а третья – встать под ваши знамена, кавалер.

Тут все начали ему аплодировать, хлопали и улыбались, кто-то поднимал бокал за здоровье юноши, а Волков смотрел на него серьезно и только качал головой, словно соглашался с кем-то.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил он, перебивая шум в зале.

– Меня зовут Курт Фейлинг, – отвечал юноша.

– Я беру вас и вашего брата в учение, – произнес кавалер.

И зал еще больше оживился. Виночерпиям и лакеям пришлось пошевелиться, все требовали вина.

* * *

У выхода столпились важные горожане, прохода кавалеру не давали, многие желали засвидетельствовать свое почтение. А кое-кто и нет. То были его кредиторы. Эти господа желали говорить о своих вложениях. Говорили, что деньги давали не на войны, а на строительство замка. И знай они, что кавалер затеет войну, так не дали бы. Но с ними Волков был лаконичен и на попытку их заговорить с ним о возврате золота отвечал так, как шептал ему брат Семион из-за спины:

– Все свершится так, как писано в договоре. Ждите свои проценты. По времени прописанному будет вам ваше золото.

– А пока молитесь, господа, за кавалера, и уповайте на Господа нашего, – смиренно говорил, закатывая глазки к небу, брат Семион.

Господа пытались еще что-то говорить, но кавалер больше их не слушал, шел к выходу, где его остановили другие важные горожане. Кредиторов оттеснили от него его офицеры: нахальный Бертье и мрачный Роха. К дьяволу кредиторов.

Тех, что подошли к нему, было семеро. Стали представляться, все из мастеровых гильдий, не купцы, не банкиры, но тоже люди не последние – из городского нобилитета. Все в золоте и мехах. Имен их Волков потом и не вспомнил бы, но все остальное про них запоминал хорошо. Когда-то купцы, а тем более банкиры на цеха мастеровых смотрели свысока, но не теперь, не в Малене. Теперь главы промышленных цехов и гильдий играли в городе едва ли скромную роль. И вот они стояли перед Волковым.

– Бейцель, – говорил один. – Цех литейщиков и рудников города Малена, шестьдесят два члена мастеров и подмастерий. С коммуной Литейной улицы даем городу шестнадцать добрых людей.

– Роппербах, – кланялся другой. – Цех оружейников Южных ворот, сорок два члена, даем городу двадцать восемь добрых людей.

– Биллен, – говорил третий. – Гильдия оружейников Малена и коммуна Нозельнауф, даем городу сорок добрых людей, шесть из которых конные.

Всего глав гильдий было семь.

– Кавалер Фолькоф, – скромно отвечал Волков каждому и жал руки.

– Рад, что познакомился с вами. – Кавалер пожал руку последнего – сухого господина в отличной шубе, что звался Шонер и занимался свинцом.

Затем Волков хотел было уже откланяться, но они, видно, не просто так его остановили.

– Господин фон Эшбахт, – заговорил оружейник Биллен, – купчишки наши болтали, что на реке вы ставили амбары и причал, так ли это?

– Да, ровно на восток от Эшбахта пришлось поставить амбары для зерна и небольшую пристань. Уж больно купцы нашего графства, что приезжают ко мне за зерном, скупы. Пришлые купцы пощедрее будут, – отвечал Волков.

– Нам, людям, что дело имеют с металлами, очень интересна ваша затея, – заговорил свинцовых дел мастер. – Я делаю пули и картечь, трубы и листы, а также прочую всячину из свинца. А возить все приходится в Хоккенхайм, четыре дня до Вильбурга, а потом еще четыре дня до Хоккенхайма. А товары мои, – он обвел рукой всех присутствующих, – да и у всех у нас, тяжелы. Подводы нужны крепкие, по две лошади в каждой, возницы за наш товар просят цену большую. Едут долго, еще и дорого. Нам накладно выходит.

Волков начал понимать, куда клонят господа цеховые головы. И этот разговор ему нравился:

– Что ж, я буду рад видеть ваши товары у себя на пристани.

– Да, но купцы говорят, что дороги у вас плохи, – заметил господин Бейцель. – Они уверяют, что по таким дорогам только телеги ломать да лошадей надрывать.

Они были правы: дороги от Эшбахта до амбаров почти не было. Тянулись две разъезжие колеи с холма на холм, с холма на холм да в овраг. Когда дожди пойдут, а они вот-вот пойдут уже, так никакая коняга по грязи телегу из оврага не вытянет, на холм не затащит.

– Не думали ли вы о том, господин фон Эшбахт, чтобы дорогу свою улучшить? – продолжал глава гильдии свинцовых дел Шонер.

И пока кавалер раздумывал над ответом, брат Семион был тут как тут, он все слышал, все понимал, всегда знал, что сказать:

– Господа, так дорога, что тянется от Эшбахта до реки, вдесятеро короче, чем та дорога, что тянется от Эшбахта до Малена. И дорога до Малена тоже нехороша. Какой в том резон, чтобы делать малую дорогу хорошей, когда большая дорога, что ведет к малой, плоха?

Речь монаха удивила господ промышленников, они стали переглядываться. Волков был доволен, что монах об этом вспомнил, он удовлетворенно глядел на господ, пока господин Бейцель не сказал:

– Мы как раз думали об этом. Полагаем, что до ваших владений можем проложить дорогу сами, а уж от границ ваших владений – то забота ваша, господин кавалер.

– Господа, видно, забыли, – смиренно продолжал монах, не давая Волкову рта раскрыть и этим уже, кажется, раздражая господ-промышленников, – что господин Эшбахта войну ведет с еретиками и что в средствах ограничен весьма. Думаю, справедливо было бы, чтобы до границ Эшбахта дорогу строил славный город Мален, город богат весьма, серебра у него в достатке, что для него дорогу построить! А уж от границ поместья и до самого Эшбахта могли бы взяться и вы, господа, а уже от Эшбахта до амбаров дорогу делал бы сам хозяин поместья. Так, мне кажется, вышло бы справедливо.

Ему кажется! Господа промышленники смотрели на монаха неодобрительно, не так они собирались строить беседу, не к таким выводам о справедливости должна она была привести.

Зато Волков остался доволен: монах правильно мыслил, он сам бы не вывернул дело так и взялся бы, наверное, все строить, только предложи ему это промышленники. А брат Семион продолжал, пока господа не опомнились:

– И думается мне, что те господа, что решат участвовать в строительстве дороги по поместью, будут за свои траты вознаграждены всяческими преференциями. Уж в этом пусть никто не сомневается, доброта и щедрость господина Эшбахта всем известны.

– Что ж, хорошо, что мы поговорили и все выяснили, – задумчиво произнес за всех глава гильдии свинцовых дел Шонер.

На том они и раскланялись. Как Волков и монах отошли, так господа принялись живо обсуждать предложения монаха. А Волков шел и косился на брата Семиона:

– Не откажутся ли?

– Куда им деться? – злорадно хмыкнул монах. – Придут с согласием, только поначалу торг затеют. Надобно будет все цены на подобные работы вызнать у архитектора.

– Думаешь, не откажутся?

– Нипочем не откажутся. Цена на извоз посуху раз в пять дороже извоза по воде, – заявил монах.

Да, тут он был прав.

Глава 10

Прямо на главной площади, не успел Волков сесть на коня, к нему подошли люди, среди них находился старый его знакомец землемер Куртц. Их было шестеро. Волков, увидав новых посетителей, на коня садиться не стал, подошел к ним. Те стали кавалера поздравлять. Принесли кубок из серебра, говорили, что это подарок от всей Южной роты имперских ландскнехтов земли Ребенрее. Волков брал приз и жал всем руки, говорил с ними, ласково называя каждого не иначе, как брат-солдат. А чуть подумав, сказал им:

– Господа ландскнехты, а не собрать ли нам пир, зовите всех своих однополчан сейчас в лучшую харчевню, что есть в городе. Пир будет за мой счет, пусть все придут.

Не то чтобы он хотел есть, да и вино в нем еще бродило, но дружить с имперскими служащими, которые некогда являлись лучшими солдатами императора, необходимо. Куртц и его товарищи с радостью согласились, стали рассылать мальчишек за другими ландскнехтами и выбирать место для гуляний.

К ним с радостью присоединились и офицеры Волкова, которые, посоветовавшись, решили взять на пир еще и сержантов, что пришли с ними в город. Так впервые Хельмут и Вильгельм, что служили сержантами в стрелковой роте господина Рохи, попали на настоящий пир старых воинов.

Трактир выбрали не самый лучший, но самый в городе большой. Звался он «Юбки толстой вдовы». И уже через пару часов эти «юбки» оказались битком набиты бывшими ландскнехтами и блудными девками со всего города, прознавшими про славный пир, что дает известный кавалер. В кабаке стоял гомон, слышались заздравные речи, пьяные крики и виваты. Было жарко. Бегали лакеи, нося и нося бесконечные подносы с пивом, в больших очагах жарились свиные целиком на вертелах, на столы вываливались ливерные, кровяные, свиные колбасы с чесноком и резанный большими кусками хлеб из лучшей пшеницы, и все целыми тазами. Волков велел хозяину готовить соусы и не жалеть специй. Тот улыбался и радовался такому прибыльному дню, и вскоре целые чашки острых соусов стояли на столах. Вино выносили, ну, для тех, кто любил вино. Женщины, раскрасневшись от вина, пива, острой еды и распутства, уже скидывали чепцы и распускали волосы, приспускали лифы платьев, оголяя плечи, а некоторые и вовсе так сидели, подобрав юбки, что стало видно чулки. Смех, пиво, еда, женщины, корзины яиц вареных, сыры молодые и старые, жареные курицы, тем, кто не мог дождаться свинины с вертелов, дорогая селедка, лук, чеснок, горчица и оливковое масло – всего сколько хочешь. Все было как положено.

А потом и музыканты пришли.

Ландскнехты, которые всегда были заклятыми врагами горцев (императоры и создали эти войска, собрали этих людей, так как никто, кроме ландскнехтов, не мог противостоять горцам в открытом поле), стали петь свои грубые и сальные песни, прославлять Волкова и его офицеров, радуясь тому, что эти «свиные» горцы разбиты на реке Марте. Офицеры и сержанты кавалера радовались веселью и хорошему приему. А сам он был доволен тем, что случись сбор

городского ополчения против него, так не пойдут эти сильные люди, что пьют сейчас за его здоровье, и дюжины желающих не найдется.

В общем, все складывалось прекрасно, все были довольны. И даже рана почти не беспокоила кавалера.

И тут увидел он молодого человека лет двадцати в хорошем, но недорогом платье, при железе. Тот человек подошел к столу, за которым сидел кавалер, и поклонился. Волков ему кивнул, ожидая, что человек скажет, кто он и зачем пришел.

– Меня Клаузевиц зовут, – представился молодой человек. – Кавалер Георг фон Клаузевиц.

– Меня зовут Фолькоф, – ответил Волков, – я слышал вашу фамилию, у вас известные родственники. Прошу вас, господин фон Клаузевиц, садитесь пировать с нами.

Незванный гость не походил на тех, кто ищет бесплатные застоля. Он держался с достоинством, меч у него, судя по эфесу, был не из плохих. И человек не поспешил сесть за стол, хотя один из сержантов Волкова подвинулся на лавке, давая ему место.

– Уж простите меня, кавалер, – продолжал фон Клаузевиц, – что в столь веселый час пришел я. Может, мне подождать с делом моим. Оно потерпит до утра.

Но Волкову стало интересно, что за дело к нему у этого рыцаря:

– Говорите сейчас о деле своем, я еще не пьян.

– Хорошо, скажу. – Юноша подошел ближе, уж очень шумно было в трактире, и произнес: – Прошу вас принять меня на службу к себе. Я неплохо управляюсь с копьём и конем, имею призы со многих турниров, в том числе и с тех, что учреждал сам курфюрст. Я приучен к любому оружию, в том числе и пехотному. Готов в случае нужды быть вашим чемпионом и принимать на себя вызовы, что осмелятся вам бросить.

Наверное, он не хвастался. На вид молодой человек был крепок, хоть и не так высок, как сам Волков.

– Готов доказать делом свои умения и на ристалище, и в битве, – продолжал фон Клаузевиц. – Я воевал в двух кампаниях под знаменами господина фон Бока и знаменами самого курфюрста. Одна кампания была здесь, против горских псов, против этих поганых еретиков из-за реки.

Последние слова рыцаря были очень горячи.

– Не любите горцев? – поинтересовался Волков.

– Они убили моего названного брата, когда он, израненный, попал к ним в плен.

– Да, они такие, законы доброй войны им неизвестны.

– Думаю, что от вас они просто так не отстанут, раз вы дважды их побили, они еще раз придут, в упрямстве им равных нет.

Конечно, это было правдой, и Волков это знал, но он не мог взять этого рыцаря к себе.

– Друг мой, – чуть подумав, отвечал господин Эшбахта, – для меня честь, что такой человек, как вы, просится на службу ко мне, но я не так богат, чтобы содержать рыцарский выезд и чемпионов. Земля моя убога, а мужиков на ней почти нет. Все, что имею я, брал я мечом, и если войны не будет или если эта война не принесет серебра, то мне, моим офицерам и прочим людям моим придется есть просо.

– Я знаю, что земля ваша бедна, – продолжал рыцарь, – но я знаю, что вы офицерам своим даете тысячу десятин в прокорм.

– Без мужиков, – заметил Волков, поднимая палец. – Без мужиков.

– Да-да, – кивал фон Клаузевиц, – я знаю, все знают, что мужиков у вас очень мало. Но я попрошу вас все равно взять меня к себе, дать мне земли и еще долю в добыче... Даже не офицерскую, поначалу, пока не проявлю себя, я согласен на сержантскую. Вам все равно придется воевать, а лучше иметь таких людей, как я, при себе, чем нанимать второпях, когда нужда будет.

Кавалер молчал, смотрел на молодого человека и думал.

И тут же, тут же за спинкой его стула замаячила фигура монаха. Он зашептал на ухо Волкову:

– Брать его надобно, раз ничего, кроме земли, не просит. Земли-то у вас нераспаханной много, чего ее жалеть, а не придется он вам по вкусу, так всегда можно будет погнать.

– Дурак, это холопа можно погнать, а с рыцарем еще объясняться придется, – сказал кавалер раздраженно, – да и откуда ты все знаешь, откуда ты знаешь, что у меня земли непаханой много?

– Так Ёган мне жалуется все время, что рук у него свободных нет, земля, мол, простаивает непаханая.

Волков отмахнулся от него и сказал рыцарю:

– Сегодня решения принимать не буду, садитесь за стол пока, завтра все решу.

Кавалер Георг фон Клаузевиц поклонился ему и сел за стол.

Глава 11

Утром Волков, конечно же, дал согласие. Брат Семион проклевал ему всю голову, что нужно брать рыцаря на службу. Причем голова у Волкова и без того болела, а чертов монах был бодр, здоров и свежесбрив.

Рыцарь оказался не один, пришел с ним послуживец, или, может быть, оруженосец, с конем, и еще у него имелся вьючный конь, на котором возился доспех и прочий рыцарский скарб. А помимо рыцаря к Волкову приехали братья Курт и Эрнст Фейлинги, тоже с людьми, с ними четверо хорошо вооруженных конных послуживцев, а также телега с возницей. Все они стали ждать господина Эшбахта на улице, почти перекрыв на ней движение, а он, как назло, когда мылся, дернул шеей, да так, что боль пронзила его опять чуть не до поясницы. Кое-как брат Ипполит привел его в чувство обезболивающей вонючей мазью.

Волков думал, что неплохо бы поехать домой в карете. Жаль, нельзя: за старика начнут почитать. Даже на телеге хорошо: кинул бы перину да лег – и лежи себе, пока не приехал. И шея не шевелится лишней раз, и ногу не крутит через час езды. Но нет, нельзя. Скажут, что стар. Старик за собой людей повести не может. И дело тут не в праве и не в уважении. Старик не может напугать. Крикнет он: «Стой на месте и сражайся, иначе убью!» Кто будет сражаться и не побежит, кто послушается? Кто старика испугается? А командира должны не только уважать, но и бояться. Поэтому кавалер и ездил на коне, хотя так хотелось на перине в телеге хотя бы, раз кареты нет.

Урожай давно был собран, даже уже частично продан, мужики в Эшбахте вместе с солдатами ждали от господина фестиваля. Но на рынок Волкову за пивом и съестным самому ехать было невмоготу. Послал туда Рене: пусть престарелый муженек его сестры помогает родственному. Не зря же он в приданое за сестрой холопа дал.

Домой шли с целым обозом из телег. Одного пива двадцать две двадцативедерные бочки, не считая больших корзин с колбасами и сырами, мяса в полутушах, хлебов, пирогов и пряников для девок и детей и даже бочонка меда. Волков дал Рене тридцать монет, так тот все и потратил. Кавалер не хотел экономить в мелочах, ему хотелось, чтобы мужики и солдаты, все солдаты всех офицеров, были довольны жизнью на его земле. Не думали разбежаться, искать лучшей жизни, замерзая по ночам в своих жалких домишках. Господин должен быть и строг, и добр; должен и спрашивать, и награждать. Причем без крайностей: без жадной лютости, но и без попустительства.

Никто этому Волкова не учил, не был он сеньором в пятом поколении, просто кавалер понимал эти правила так же, как понимал, где искать выгоду и стоять на своем, а где и не жадничать. Пусть, пусть людишки порадуются напоследок. Пусть пожируют за счет господина

Эшбахта. Октябрь на дворе, уже октябрь, вот-вот с севера дожди придут, а с юга, с гор, холодные туманы с ледяными ветрами. Волков вздохнул. А за холодными туманами могут и горцы пожаловать. Солдаты должны быть счастливы, иначе начнут разбегаться.

Приехал домой. Как всегда, ногу крутит, сил нет самому слезть с коня. Теперь еще новые люди все это видели. Все: и фон Клаузевиц, и братья Курт и Эрнст Фейлинги, и все их люди тоже. Волков на них глянул так зло, что те, кто был во дворе и смотрел на него, сразу глаза отвели. А он, скалясь от боли и разминая ногу, пошел в дом, крикнув перед этим:

– Монах, за мной ступай!

За ним кинулся брат Ипполит, кавалер поморщился:

– Да не ты, мошенника этого, брата Семиона, позови, – и, подумав, добавил: – Хотя ты тоже понадобишься.

– Шея? – спросил брат Ипполит.

– Нет, шея не болит, нога донимает.

Жена едва голову подняла, когда он вошел, не встала даже:

– Здравы будьте, господин мой.

И снова уткнулась в шитье. Сама бледная, еще к бледности своей надела платье черного бархата, холодная, словно рыба дохлая. Некрасивая.

Зато Бригитт вскочила, присела низко, голову склонила, так в кавалера глазами стрельнула, что понял Волков: есть у нее, что ему сказать. Но до ночи вряд ли представится случай с ней поговорить.

Он велел греть себе воду – мыться. Воды греть много. А сам с Ёганом заговорил о делах. Тот намеревался, пока дожди не пришли, отправить мужиков рубить куст на дрова. Дров на зиму было совсем мало. Еще о всякой мелочи поговорил, говорил бы еще час, да Волков прервал его. Ему было не до того. Хозяин думал, где ему восьмерых людей разместить, трое из которых господа. Ну не в людской же с холопами, в самом деле. Пока они на улице были, он их в дом не звал. Не звал из-за того, что говорить собирался с братом Семионом, и разговор мог выйти неприятный.

Тот, как чувствовал это, пришел, присел на край лавки и, пока господину дворовый мужик стягивал сапоги, а брат Ипполит осматривал шею, молился, перебирая четки и закатывая к потолку глаза в легком, но праведном исступлении.

– Знаешь, о чем меня спрашивал епископ? – начал Волков, когда брат Ипполит наконец перестал разглядывать рану на его шее.

– Так чего же тут гадать, загадка тут небольшая, – сказал смиренно брат Семион. – Видно, спрашивал он вас про костел, построен ли.

– Именно, – сказал Волков. Он врал: епископ и речи о том не заводил. – И знаешь, что я ему сказал?

– Наверное, сказали, что строится, – отвечал монах.

– Опять угадал, – продолжал врать кавалер. – А сколько денег у тебя на храм осталось, помнишь?

– Сотни две, – произнес брат Семион, чуть подумав.

– Сто шестьдесят семь монет, – напомнил Волков и повторил серьезно, делая на этом ударение: – Сто шестьдесят семь монет от двух тысяч и двух сотен.

Монах только вздохнул в ответ. Он посмотрел на Волкова, кажется, понимая, куда тот клонит.

– Завтра позовешь сюда ко мне архитектора. Он, кажется, дом доделал? – продолжал кавалер. – Поговорим о храме, денег я на него дам. Две тысячи монет, думаю, будет достаточно. Но считать стану сам, тебе, дураку, веры больше нет. Твой дом я забираю...

Брат Семион сидел понурый, а тут вскинул на Волкова глаза, тот даже подумал, что сейчас он спорить начнет или даже просить будет, но нет, монах лишь пожал плечами и опять опустил голову.

– Забираю твой, но тебе свой отдаю, – продолжил кавалер.

Монах снова ожил, уставился на Волкова, обрадовался, кажется:

– Ваш дом мне пойдет?

– Только дом. Амбары, овины, хлева и конюшни мои будут, но и ты можешь ими пользоваться. Телеги я тоже тут на дворе стану держать, колодец мой останется, мне скот поить надобно, а огород твой. Холопы будут тут же жить, в людской, одну девку тебе в прислугу дам. Но в прислугу, – Волков поднял палец предостерегающе, – пользоваться ее не будешь, а начнешь – и она пожалуется, – так я ее у тебя заберу.

Кажется, все пока устраивало хитрого попа. Он понимающе кивал, на все соглашался.

– А еще тут у тебя будут господа кавалеры жить, сам мне их насоветовал брать, тут внизу и поселятся, твои покои наверху, послуживцы их будут с холопами в людской.

Вот это, кажется, брата Семиона не устраивало, скривился едва заметно, видно, один хотел жить в огромном доме. Но кавалера его недовольство мало заботило, тем более что он кое-чем готов был монаха успокоить:

– Сто шестьдесят монет, что остались от денег на церковь, оставишь себе на обустройство. – Волков замолчал и потом добавил серьезно: – И займись уже костелом, займись уже. Дождешься, попросу у епископа другого попа на приход.

На том разговор был закончен. Все, включая дворню и жену, весь этот разговор слышали. Госпожа Бригитт не удержалась, встала и начала выходить из-за стола. Рука у Волкова лежала на подлокотнике кресла, так она как бы невзначай руки его коснулась бедром. Стала извиняться и говорить:

– Господин, так мы что, переезжаем в тот красивый дом, что у края деревни стоит?

Этот вопрос интересовал всех присутствующих, включая госпожу Эшбахта, которая тоже хотела это знать, да от спеси не желала сама спрашивать.

– Да, – сказал Волков, – теперь вы, госпожа Ланге, на лавках спать не будете, у вас появятся свои покои.

– Правда? – обрадовалась та, едва не запрыгала. – А можно мне узнать, какие мне покои положены?

– Выберите сами после того, как госпожа Эшбахта выберет нам спальню.

– Ах, Господи, как это хорошо! – Никого не стесняясь, вроде как в благодарность госпожа Ланге склонилась в грациозном реверансе и поцеловала руку Волкова. – Спасибо вам, господин! Можно ли нам с госпожой Эшбахта уже посмотреть дом?

– Идите, – махнул рукой кавалер, – посмотрите, решите, чего в доме не хватает. Потом скажете.

Жена хоть и не благодарила его, но сразу бросила рукоделие и пошла с Бригитт смотреть новый дом. Даже Мария, отодвинув сковороды с огня, отправилась очаг и печи смотреть, а все дворовые за ней побежали.

Он и сам пошел. С ним шли все: и Максимилиан, и Увалень, и Сыч, и оба монаха. Забор высок, ворота крепки, двор огромен, хоть тридцать телег сюда ставь. Амбары, конюшни, хлева большие – и все это крепкое, новое. Двор настоящего хозяина. И колодец, и привязь, и поилка для коней. Курятник таков, что сто кур тут уместятся, тесноты не зная.

Дом уже почти готов был, мастера правили кое-что уже по мелочи, мыли да собирали все, что лишнее осталось. Молодой архитектор ходил по дому, показывая его госпоже Эшбахта и ее подруге. Как Волкова увидал, так стал ему кланяться. Взволновался. Стал ему показывать дом.

Дом и вправду оказался хорош. Был он на вид не меньше старого, но в два настоящих этажа с чердаком и подвалами большими под вино и прочее съестное. Полы из хороших досок

вощенных, стены чисты, белены. Окна огромны. Двери в две створки, хоть свадьбу выводи через них, крепки и широки, с красивыми бронзовыми ручками. Печи с плитами удобны, другие печи, что с дымоходами для обогрева дома, и вовсе в изразцовой плитке с замысловатыми рисунками. Камин большой, в него войдет даже сам хозяин, головы не склонив, кабана целиком можно зажарить. Максимилиан в удивлении вытащил меч, поднял его, потянулся им вверх и до потолка не достал. Все посмотрели на это и увидели на балке красивую люстру под двенадцать свечей. А стропил не увидели: потолок был ровен и побелен, как и стены.

Две тысячи талеров! Две тысячи. Теперь ясно стало кавалеру, на что этот чокнутый монах потратил столько денег. Столько, что на эти деньги можно было выстроить небольшой костел на пятьсот прихожан.

Дальше пошли по широкой лестнице с красивыми перилами наверх, а там еще один зал, да еще какой. Вдоль всего зала высокие окна, свет просто льется в залу, его так много, что ламп не придется зажигать до самой густой темени. Там обедать можно, только мебель купи. Там же двери в покои и опочивальни.

– Здесь будут мои покои, – сказала госпожа Эшбахта таким тоном, что вряд ли бы кто решился ей перечить.

А вот кавалер решился:

– Покои ваши будут там же, где и мои, те, самые большие, – он указал на большую пустую комнату, – нам с вами подойдут.

Жена его только фыркнула как злобная кошка, все видом своим выражая пренебрежение и даже, может быть, презрение к словам супруга своего, вздохнула, кривя рот и с апломбом:

– За что же мне кары-то такие?

При всех людях его оскорбив господина Эшбахта, она пошла дальше, заглядывая в комнаты.

Повисла нехорошая тишина, все, кто присутствовал при этом, почувствовали себя неловко, архитектор, что заливался соловьем, рассказывая про свое детище, замолчал, стоял с виноватой улыбкой. Госпожа Ланге искоса бросила многозначительный взгляд на Волкова. И был в этом взгляде смысл и общая тайна. А потом она пошла вслед за подругой. Она все правильно делала.

Волков, не проронив ни слова, повернулся и направился к лестнице, за ним все его люди, архитектор же, в растерянности постояв немного, пошел за госпожой Эшбахта. Ну а что ему еще делать было?

Вечером, когда Мария собирала посуду со стола сразу после ужина, госпожа Эшбахта встала и, сделав лицо высокомерное, сказала едва не сквозь зубы:

– Спокойных всем снов. И прошу вас, господин, меня сегодня не тревожить. Не будет в том вам резону. – И пошла наверх.

Волков посмотрел ей вслед, а затем взглянул на госпожу Ланге, ожидая пояснений. И та проговорила, не смотря ему в глаза и тоном таким, каким сообщают плохие вести:

– Госпожа не обременена.

– Что? – не понял Волков.

– Элеонора Августа не беременна, – тихо повторила Бригитт, все не поднимая глаз. – У нее нынче кровь пошла.

Как будто ударили его. Не сразу даже слова эти в голове его улеглись, так, чтобы понял он их. Хуже новости сегодня быть не могло. У Волкова плечи опустились, он сгорбился и стал смотреть на стол, растирая больное место на ноге. Никому он того бы не сказал, но каждый день, каждый божий день пред тем, как заснуть, молил он Господа о том, чтобы даровал Он Элеоноре бремя. Редко кавалер молился, обычно он обращался к Богу перед делом и просил у Него только две вещи: простить его грехи да быстрой смерти, уж если смерть его достанет. Ну а что еще может просить солдат? А тут изо дня в день молил о том, чтобы Господь послал

ему чадо. Сына, конечно, но можно и дочь, в крайнем случае. Пусть дочь для начала, кавалер согласен и на дочь, лишь бы была. Но ничего на этот раз не вышло.

Словно смеялся Бог над ним. И славу, и почет, и деньги, и жену родовитую, и землю – все дал! Все! А наследника не дает. Издевка, смеется над ним лукавый старик, не иначе. Или, может, в том жена его виновата. Брунхильде, молодой кобылице, одного раза было достаточно, чтобы понести. Захотела и понесла. И госпожа Анна фон Деррингхофф из Рютте писала ему, что тоже понесла. А эта квелая да рыхлая не может. Видно, нездоровая она. Всучили ему ее распутную, так еще и больную. У Волкова лицо потемнело, кулаки сжались.

Как называют тех, кто наследника произвести не может, как называют тех, кто без чужой помощи с коня слезть не может? Нет, их называют вовсе не стариками. Есть у таких название похуже, злое и насмешливое прозвище, такое, которое в лицо никто не скажет, зовут таких Мягкий Меч.

Стариков еще можно уважать, а если ты Мягкий Меч, то уважения не жди. Никто не пойдет за тобой в бой. Никто не станет уважать твое право. А зачем, все равно новый господин будет на месте твоём, наследников-то нет. Иначе не скажешь – Мягкий Меч. И как ни будь ты силен и славен, все одно – ты временный человек, человек не на своем месте. Чтобы место стало твоим, ты должен в него корни пустить. А корни – это сыновья, такие же суровые и сильные, как и отец. С которыми, как и с отцом, никто не захочет связываться.

Да разве заведешь их при такой жене?

Было тихо в доме. Сестра Тереза с племянницами переехала к мужу. Мария понесла с кухни кадку на улицу, других дворовых тоже не было, даже Увалень, что обычно валялся на лавке возле входа, и тот куда-то ушел, видно, спать. Никого не оказалось вокруг. Такое случалось крайне редко. Только кавалер да госпожа Ланге. Она тут встала, подошла и села ближе, совсем близко к нему. И положила свою руку ему на руку, а он сжал ее пальцы. Тогда она поднялась и обняла его за шею, поцеловала в висок. А он гладил ее по спине и задку, пока в сенях не послышался шум. То возвращалась со двора Мария.

Когда служанка пришла и стала греметь у печи чистой уже посудой, Волков сказал Бригитт негромко, но твердо:

– Пока жена не способна, буду вас брать.

– Как пожелаете, господин, – отвечала та сразу, согласно кивнув, явно не испугавшись и не тяготясь этим его желанием.

– Жалею, что не вы моя жена, – произнес Волков, не отводя от нее глаз.

Она изумленно уставилась на него и не нашлась, что ответить.

Глава 12

На следующий день уже начали переезжать потихоньку. И, как ни странно, самым рьяным в деле переезда оказался брат Семион. Торопился заселиться в старое жилище господина Эшбахта, которое теперь считал своим.

У Волкова же забот прибавилось: в дом нужно было мебель покупать, та, что он приобрел для старого дома, в новый совсем не подходила. Стол на всю залу из толстенных досок, даже из бруса, тяжеленные лавки, что ночью становились кроватями, да и сами тяжелые кровати не шли никак к новому дому. А посуда, а гобелены на стены, шкуры или ковры на полы, подсвечники, лампы – разве все вспомнишь сразу. Он пошел к себе в спальню и отпер сундуки.

Достал деньги и обомлел. Вдруг понял, что серебра-то у него осталось совсем немного. Да, были две тысячи монет в двух больших мешках. Так они на постройку церкви должны пойти. Еще оставались деньги в маленьком мешочке, которые он обещал брату Семиону. Еще был полупустой мешок, там почти пять сотен, вот и все серебро. Остальное – золото, которое

ему очень не хотелось тратить. Поначалу кавалер даже испугался. Куда деньги делись?! Потерял? Украли?

Еще недавно он получил за ограбление ярмарки в Милликоне почти три тысячи монет приза. Три тысячи! А перед этим еще от епископа четыре сотни! Куда же дел он их? Ну да, за дом придется отдать две тысячи, это главная его трата. Сестре в приданое ушла куча монет. Половина мешка без малого. Потом солдатам дал серебра, за сражение на реке выплатил почти три сотни. За поход в город тоже дал двадцать четыре монеты серебром. Не будут солдаты таскаться туда-сюда просто так. Офицерам он не платил, те сами знали, за что воевали и для чего в город ездили, а вот солдатам пришлось платить.

Амбары строил и пристань, они в копейку вышли. Столько пришлось леса из города везти. Лес д'Орог, перевоз д'Орог. Все дорого. А фестиваль мужикам устраивал, второй день в деревне пьяный гул стоит. Пир ландскнехтам тоже недешев был. Подлец трактирщик просил тридцать восемь монет. А когда Волков сказал, что даст двадцать пять и ни пфеннигом больше, так схватил эти деньги и ни слова не возразил. И еще радовался, вор. Видно, даже так хорошую лишку взял. А еще людям Сыча, что на том берегу сидят, и самому Сычу много денег шло.

И еще по мелочи, по мелочи, по мелочи. Нет. Не терял он денег, и никто его не обворовывал. Нет, просто текут они сквозь пальцы, как вода. Не удержать. Он засыпал серебра себе в кошель, опять даже не считал его, две полные пригоршни. Надо будет Бригитт дать пять монет на женские нужды. Бригитт – не женщина, а удовольствие. Не зря говорят про рыжих, что в них огонь дьявольский. Вчера ночью еще неизвестно, кто кого брал: он ее или она его. Словно бес в ней любовный был: и царапалась, и кусалась, словно зверек. А еще выла сквозь зубы, чтобы не кричать, дом не перебудить. Такую бы ему жену, раз Брунхильды нет. От нее получились бы хорошие дети: дочери красивые, а сыновья яростные. А ему досталась эта бледная немочь, вечно недовольная и препирающаяся. Надо будет Бригитт десять монет дать. Она ему нужна...

Он вздохнул и опять вспомнил про деньги. Война, стройки, пиры, покупки. Ох, недешевое это дело – быть господином. Захлопнул сундуки, запер их и пошел вниз смотреть, как дворовые собирают скарб для переезда.

Сел в кресло. Как и договаривались еще вчера, пришли к нему Ёган и господин фон Клаузевиц.

– Ёган, – распорядился Волков, – господину рыцарю обещана мной тысяча десятин пахоты. На солдатском поле еще есть земля, что не распахивается? Свободная там есть земля? Или солдаты все возделывают?

– О, какое там, – Ёган махнул рукой, – там много целины, бурьяна столько, что коня измордуешь, пока все поднимешь.

– Выдели господину фон Клаузевицу лучшую тысячу.

Рыцарь поклонился Волкову.

– Хорошо, – кивнул Ёган, – землю-то найдем не самую худшую, а кто же ему пахать-то будет, мужиков-то у нас лишних нет.

– Ну, может, он солдат наймет, а ты скажешь им, как и когда лучше пахать и что сеять.

– Ну, ясно, – согласился управляющий без всякой радости. А чего ему радоваться, еще одна забота.

– Господин фон Клаузевиц, – продолжал Волков, – а думаете вы строить дом или тут у меня будете жить?

Рыцарь задумался и сказал после:

– Дом мне не по карману. Ваш этот дом вполне пригоден для жилья. Я не из тех спесивцев, что требуют личных апартаментов.

– Да, но здесь помимо вас будут жить и другие люди: и мой поп, которому теперь принадлежит дом, и молодые господа из города, и мои оруженосцы.

– Ничего, я не дерзкий человек и напрасных свар не затеваю, тем более что из всех ваших людей я буду старшим, а значит, должен служить им примером.

– Хорошо, но имейте в виду, что для дома вы можете брать все, что найдете на моей земле, бесплатно. Мои офицеры поначалу, пока не было кирпича у нас, строили свои дома из орешника и глины, хорошего леса на них уходило не много, дома получались простыми, но удобными и даже красивыми, если их побелить. А теперь у нас и кирпич свой, солдаты жгут его во множестве, он дешев.

– Вот как? – задумался фон Клаузевиц. – И где же мне будет позволено ставить дом, если надумаю?

– Да где захотите, хоть тут, в Эшбахте, хоть у сыроварни.

– У сыроварни – это...

– Это как ехать к амбарам, к реке, на восток, там дома всех моих офицеров. Впрочем, если вас не тяготит жить с другими господами тут, то живите, я просто предложил вам.

– Спасибо, – рыцарь поклонился, – я подумаю.

* * *

Пришли из нового дома госпожа Эшбахта и госпожа Ланге. Бригитт весела, радостна, вся светится от переезда и от того, что у нее будут свои покои. Даже Элеонора Августа и та не так недовольна, как обычно. Сама заговорила с Волковым. Стала рассказывать, что надобно купить в дом.

– Будет, будет вам, – морщился кавалер, слушая разговоры и причитания женщин. – Перин и простыней у нас достаточно из приданого госпожи. Посуды столько, что лишняя есть. Коли гости придут, так всем серебряных стаканов хватит.

– А кровати, – с возмущением говорила жена, – мне... нам нужна новая кровать. А Бригитт кровать? Я хочу, чтобы у Бригитт была хорошая кровать. А еще гобелены на стены.

– Хорошо-хорошо, – вздыхал кавалер, – будет госпоже Ланге хорошая кровать и хорошие перины с простынями. Все будет.

Госпожа Ланге улыбалась, довольная. А Волков подсчитывал в уме расходы. Тут пришел Максимилиан и сказал:

– Кавалер, к вам гонец.

Волков даже спрашивать не стал: что это за гонец, от кого или как выглядит. Он и так знал, от кого. И не ошибся. Опять был посланец от самого курфюрста. Гонец стоял в трех шагах от кавалера с пакетом в руке, а Волков письма не брал. Тогда Максимилиан забрал письмо и положил его перед господином.

Скажи ему кто лет этак десять назад, да какие десять – пять лет назад, что писать ему будет герцог, да не простой герцог, а настоящий курфюрст, так не поверил бы. А может, и в морду дал бы говорившему, посчитав его слова за насмешку. А вот прошло время – и вот оно, письмо от курфюрста. Лежит перед ним, и никакого трепета у него перед этой бумагой нет. Наоборот, век бы ее не видать. Да, многое в его жизни с тех пор, как он служил в гвардии, переменилось. А письмо все лежит. Гонец стоит терпеливо, кухарку Марию рассматривает. Максимилиан отошел к стене, сел на лавку.

А Волков бумагу все не брал, сторонился, как будто она с проказой или чумой. Сидел и тер глаза руками, словно спать хотел, хотя совсем недавно лишь завтракал.

Но сколько так глаза ни три, а письмо не исчезнет, и гонец не растает. Взял он, наконец, бумагу, посмотрел на ленту, на печать. Развернул ее нехотя:

«Сын мой, писали Вы мне, что недужите и так ваш недуг тяжек, что ехать ко мне не можете, оттого что немощны. А мне говорят, что недуг Ваш не тяжек и немощь Ваша сошла

совсем. И так не тяжек недуг Ваш, что соседи от Вас плачут слезами горькими и пишут мне жалобы, послов-жалобщиков шлют с просьбой, чтобы унял я Вас.

Много о Вас говорят дурного, много злого. Хочу сам от Вас самого слышать, как дела у Вас в Эшбахте идут. Как с соседями Вы живете? Как мир храните?

Поэтому прошу Вас слезно быть ко мне немедля, иначе я к Вам буду.
Вильбург. Курфюрст Карл».

* * *

Перстень герцога приложен – считай приказ. Как думал Волков, так и вышло: уже не просто письмо, уже повеление сеньора. И не просто повеление, уже и угроза в нем. Попробуй, дерзкий, только послушаться, так сам приду. Конечно, сам он не придет, но уж людишек своих точно пошлет, гадать о том не надо.

А гонец стоит над душой, ждет. Нужно ответ герцогу сочинять. А сочинять нечего, только все то же писать, что и в первый раз. Ну не ехать же к курфюрсту, в самом-то деле.

Взял бумагу, перо – монах, как увидал гонца, так принес все без напоминания. Стал писать:

«Государь мой, хотел Вам сам писать, да все еще хвор был. Живу здесь как на войне, и двух недель не прошло, как воры из-за реки, те, что из кантона Бреген, вышли на берег мой все в железе и доспехе, были они во множестве. Думали грабить, как раньше грабили. Пришлось идти на них со всеми людишками моими и гнать их обратно за реку, чтобы не дать грабежу случиться. Так еле отбилсЯ от них, так как воров оказалось премного. Сам же был ими побит, ранен в шею и снова хвор стал, в чем клянусь вам Богом. Лекарь мой, честный монах Деррингхоффского монастыря брат Ипполит, Вам подтвердит и тоже поклянется, что говорил он мне на коня не садиться много дней, так как горячка от раны может быть. И прибуду я к Вам, как только смогу по делам и здоровью. Уповаю на Бога и на Вас как на заступника.

Вассал Ваш Иероним Фолькоф, кавалер.

Милостью Бога и Вашей милостью господин Эшбахта».

* * *

Тут Волков поднял глаза на гонца:

– Ты ли мне в прошлый раз письмо доставлял от герцога?

– Я, господин, – отвечал гонец.

Волков достал талер и показал:

– Значит, знаешь, что с этим делать?

– Прогулять его в Малене, гулять два дня, – улыбался посланник.

– Молодец. – Волков кинул ему монету. – Вези письмо не спеша.

Хотя вряд ли такая задержка могла его спасти, но он готов был цепляться за любую возможность отсрочить следующее от герцога письмо, а тем более людей от него.

Гонец ушел, а кавалер остался в думках нелегких сидеть, брат Ипполит стал его смотреть, а он даже не морщился, когда лекарь давил и мял, не до раны ему сейчас было. Он бы на две такие согласился, лишь бы герцог про него забыл хотя бы на год.

Глава 13

Волков совсем позабыл про него за всеми этими делами и заботами, не появивсь мальчик – так неизвестно, когда бы вспомнил. А Бруно Дейснер приехал и был, кажется, горд собой.

Михель Цеберинг вперед не лез, стоял чуть поодаль, хоть и являлся старшим в деле. Дал мальчику похвалиться перед дядей. Бруно подошел к столу, положил перед кавалером два талера и, немного подождав, чтобы тот все понял, стал выкладывать новые монеты. Выложил шестьдесят семь крейцеров и замер, ожидая похвалы.

– Ну, что это, объясни? – потребовал кавалер, глядя на серебро.

– Вы дали мне два талера, господин...

– Не называй меня господином, – прервал его Волков, – ты сын моей сестры, ты моя семья, зови меня дядей или кавалером.

– Да, дядя, – сказал юноша, – это два талера, что вы мне дали перед тем, как отправили с Михелем.

– Да, помню.

– А эти крейцеры – прибыль, дядя.

– Это неплохой прибыль. На чем ты его заработал?

– Сначала мы взяли кирпичи, отвезли их на другой берег реки, во Фринланд. Там удачно продали, и двух дней ждать не пришлось, могли бы сразу за новыми поехать, но встретили одного купца из Эвельрата, он сказал нам, что едет в Рюммикон за брусом и доской и что если мы сделаем заказ и подождем три дня, то он нам устроит хорошую скидку. Мы подождали, он вернулся и привез нам разного леса. Мы тут же погрузили его и привезли сюда, архитектор ваш его купил у нас сразу и сказал, что купит еще вдесятеро больше, мол, на новую церковь пойдет.

Волков во время рассказа поглядывал на молодого пронырливого солдата Михеля Цеберинга, который вдруг из солдат пошел в торговцы кирпичом. Тот слушал рассказ племянника господина и кивал, соглашаясь.

– Это хорошо, – похвалил племянника Волков, – ты молодец. А знаешь, что я переезжаю в новый дом? Тебе нужно посмотреть себе там место.

– Господин... то есть кавалер, – заговорил мальчик, – мне некогда тут обживать, думаем мы сегодня же ехать в Мален.

– В Мален? Зачем же?

– Нужно поговорить с промышленниками и строителями, надобно цены вызнать. У нас с Михелем есть задумки.

– Это хорошо. – Волков действительно и сам был рад.

– Дядя, мы хотели просить у вас телегу с конем. За те, что мы брали в прошлый раз для перевозки кирпича, мы расплатились. А сейчас спросили, а Ёган сказал, чтобы к вам шли.

– Берите, – согласился кавалер. – И когда вы собираетесь ехать?

– Сейчас, дядя, Михель говорит, что талеры никого ждать не будут.

– Это верно, – произнес Волков, этот мальчишка ему нравился все больше. – Талеры высокомерны и заносчивы, они никого ждать не будут, за ними нужно побегать, их нужно хватать быстро, но перед дорогой вы хотя бы поешьте. Мария, покорми этих уважаемых купцов.

Племянник с товарищем поели и уехали, торопились, чтобы до ночи оказаться в Малене. А Волков не спеша пошел по своей деревне и глядел, как она приходит в себя после двухдневного праздника урожая. С ним отправились Максимилиан и Увалень, и Сыча хотел увидеть, но тот пропал еще позавчера, как только в город въехал обоз с пивом и съестным.

Мужиков на улице видно не было, наверное, Ёган угнал их на барщину. Солдат тоже не было: кто кирпич жег, кто еще чем занимался. Бабы местные да молодые солдатки уже начали мести дворы, ковыряться в огородах, если еще что было не убрано перед осенью, кто занимался коровником своим, кто свиарником. Когда видели через заборы господина – кланялись, спасибо говорили за фестиваль. Волков отвечал кивком, поглядывая на привычную деревенскую жизнь, дошел до нового своего дома, а там суета. Дворовые и строители ходят туда-сюда, что-то делают, носят, моют, кричат, чего-то просят. В общем, приводят дом господ-

ский в порядок. Последние дела заканчивают и уже даже скарб раскладывают принесенный. Суеются, стараются.

А Волков вдруг засмеялся, только смех невеселый это был. Про веселый смех он позабыл давно.

– Отчего смешно вам, кавалер? – спросил Александр Гроссшвулле, поглядывая на господина, кажется, Увальню тоже хотелось посмеяться.

Волков потряс только головой в ответ, мол, ничего. Не станет же он говорить, что думает о том, что суета эта может оказаться совсем пустой. Через месяц, через два или даже через три явятся сюда полтысячи горцев. И придется бежать либо в Мален, либо за реку во Фринланд. А дом этот красивый, да и старый тоже, эти псы горные пожгут к чертям собачьим. И все вокруг пожгут, с них, собак, станется. Уж не упустят они своего. Вот и смеялся кавалер над глупой суеотой своих холопов и людей архитектора.

Вся работа их пустая, архитектора люди хоть деньгу получают, а его дураки напрасно стараются. А еще над собой, ведь он всей этой красоты лишится, да и денег тоже. Нет, он, конечно, сделает все, чтобы этого не вышло, но если горцев будет полтысячи, то что можно сделать? Только бежать. Только бежать.

А тут Сыч еще появился, грязный, небритый, шапка, некогда красивая, сейчас дурацкая тряпка на башке. А еще воняет.

– Чего смеетесь, экселенц? – спросил он у господина.

– Ты где был два дня?

– Да тут я был. В деревне. С народом веселился. Все видел, все слышал. Во всем участвовал.

– В чем ты участвовал?

– В веселье, экселенц, в веселье. Мужики пьют как в последний раз, когда на халяву. Так, не поверите, бабы тоже не отстают. И солдатня туда же. Даже дети, и те дармовому пиву рады. Тоже втихаря хлебают, пока мамки не видят. Пряники прячут на потом, а сами на пиво налегают да на колбасу. Правда, после лежат у заборов да блюют, но так то после.

– Пили, значит?

– Ваши дворовые от ворот до дома пройти не могли, – заметил Максимилиан, – ночь на дворе, на холоде спали. Даже наш Увалень пьян был.

Гроссшвулле покосился на Максимилиана неодобрительно, но ничего не сказал.

– Ну а как не пить, – продолжал Сыч, – если господин задарма поит. Двадцать бочек пива, кажется, было, так и все пиво крепкое. Вусмерть пьют. Потом баб своих либо бьют, либо имеют. – Он засмеялся, вспоминая. – И смех, и грех, где пили, прямо там и укладывают, едва не посреди дороги.

Волков посмотрел на него исподлобья и спросил:

– Так ты, наверное, тоже поучаствовал?

– Чего? – сразу насторожился Фриц Ламме.

– «Чего», – передразнил его Волков. – Лез, говорю, к чужим да пьяным бабам под подол?

– Чего? Кто? Я? – искренне удивлялся Сыч.

– Не ври мне, по морде вижу. Знаю тебя, подлеца, не дай бог, мне на тебя пожалуются! – Волков показал ему кулак.

– Да не пожалуются, экселенц, не пожалуются, – заверил Сыч.

– Дрались люди?

– Дрались, дрались, – кивал Фриц Ламме и рад был, что сменилась тема. – Как же с такого пьяну не драться. Но без лютости, хотя солдаты за ножи и хватались – никого не убили. Зубы там, морды в кровище – по мелочи, в общем. Последнего били сегодня утром.

– Утром? За что? – удивился Волков: вроде праздник уже кончился.

– Так то пастух наш. Привел стадо еще вчера, а коровы одной нет. А хозяева пьяны были, про нее и не вспомнили, и не спросили. Утром только спохватились. Побежали к пастуху, а он и говорит, что она в овраг упала. Кусты жрала и скатилась. Он, подлец, тоже пьяный был, хотел народ позвать вытащить ее, да спьяну забыл. Утром мужики побежали вытаскивать, а коровы нет уже.

– Нет? Выбралась, что ли? – спросил Увалень, заинтересовавшийся историей с пастухом.

– Какое там, волки ее пожрали, размотали по всему оврагу, копыта, рога да шкура лишь остались, вот пастуха за то и били всем миром, говорят, что господин за дареную корову спросит.

Вот и еще одно дело, Волков снова стал тереть глаза и лицо ладонью. Как будто сон прогнать хотел. Волк. Про волка-то совсем забыл. Волк, будь он неладен.

– Максимилиан, Увалень, коней седлайте, Сыч, ты тоже с нами поедешь, пошлите кого-нибудь к Бертье, пусть возьмет собак, едет на место и посмотрит, что там за волки корову съели.

– Экселенц, – Сыч приложил руку к сердцу, сделал жалостливое лицо, – честное слово, я вот...

– Ты поедешь, – не дал договорить ему Волков, – только помоешься сначала.

* * *

Ганс Волинг был хоть и неплохим кузнецом, но не таким, как тот, что делал доспех. До того мастера ему оказалось далеко. Дыру он в шлеме заделал, железо вытянул хорошо, но место, где находилась дыра, осталось заметно, железо там другое, а уж от роскошного узора, что лежал на всем остальном шлеме, в том месте и следа не осталось. Кузнец стоял и ждал, что скажет кавалер, видно было, что волновался.

Волков ничего ему говорить не стал. Огорчать не хотелось, хвалить было не за что. Сунул шлем Увальню, тот положил его в мешок на седле.

– Монах к тебе не заходил? – спросил у кузнеца кавалер.

– Заходил, – кивал тот, – заходил два дня как. Просо брал, муку, масла немного взял.

– Два дня? – переспросил Сыч. Был он мрачен немного, видно, пиво, что он пил два дня, в нем свое не отгуляло. – Ничего не говорил? Может, еще что хотел, кроме еды?

– Хотел, хотел, – кивал кузнец, – новый замОк. Я ему клетку делал железную с замком, так тот замок забился. То ли ржой, то ли грязью. Я обещал глянуть или новый сделать.

– А зверь у тебя не объявлялся? – спросил кавалер.

– Нет, после разговора с вами так и не было его ни разу.

– Не было?

– Даже следов вокруг дома не видать. И собаки потягивать стали по ночам, раньше такого не бывало, только выли, а сейчас расхрабрились чего-то, – говорил с радостью кузнец.

Платить кузнецу было не нужно, барон в прошлый раз на том настоял, Волков простился с ним и поехал от него к монаху.

Он еще издали, как только поднялся на холм, увидел – слава богу, глаза еще не подводили, – что монах дома. В огороде, разбитом справа от дома, ближе к кладбищу, стояла лопата, воткнутая в землю, а дверь лачуги оказалась приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но замка на двери не было точно.

Подъехали – ничего. Тихо. Только октябрьский ветер качает кусты на холмах.

– Эй! – заорал Сыч. – Святой человек, ты тут?

Тишина, ветер на холмах чуть заметно теребит кусты, одна из лошадей трясет головой, узда позвякивает еле слышно.

– Святой человек! – орет Сыч. – Ты тут?

Нет. Не слышит.

Сыч понял, что все придется делать ему, подъехал ближе к двери, посмотрел на нее, слез с коня. Подошел к лачуге и вдруг остановился. Замер. Потом повернул голову, приложился щекой к двери, прислушался.

– Ну, чего? – не терпится знать Волкову. – Чего там?

Сыч повернул к нему лицо и сказал:

– Кровищей воняет, экселенц.

– Человеческой? – спросил Увалень с заметной тревогой.

– Да разве я тебе пес, чтобы разобрать, – со злым весельем ответил Фриц Ламме. – Вот дурень, а.

Увалень молчал, все молчали. А Сыч достал из рукава свой мерзкий нож, его лезвием аккуратно отворил дверь лачуги, заглянул внутрь и долго смотрел.

– Ну, видно что?

– Темень, но теперь точно скажу, кровищей оттуда несет. Из халупы его. Максимилиан, ты бы соорудил свет какой. Так ни черта не видать. Окон-то нет.

– Да как же я тебе его сооружу, нет у меня лампы, – возразил юноша.

– Ну, может, факел какой, – продолжил Сыч, все еще пытаюсь разглядеть, что внутри.

– Да из чего? – все упрямылся Максимилиан.

– Найдите! – сказал Волков резко и повернулся к Уваленью: – И вы, Александр, помогите ему, веток сухих найдите.

Оруженосцы резво соскочили с лошадей, начали искать сухие ветки, полезли в кусты. А кавалер сидел на коне и думал, что зря он отказался от привычки носить кольчугу. Раньше повсюду был в ней, и ничего, что рубахи изнашивались быстро, зато он всегда себя спокойно чувствовал, в кольчужке-то. А один раз, в секрете когда стояли, так она ему жизнь спасла, когда враг про секрет вызнал и налетел внезапно.

А сейчас только колет надел и ездит по поместью, словно у себя по дому ходит. Волков привычно потянулся к эфесу меча. Побарабанил по нему пальцами. Ну, хоть меч при нем.

Глава 14

Над округой висела тишина, тишина недобрая. А чему удивляться? Место дикое, пустошь, домишко меж холмов стоит в кустах колючих, при кладбище. Невеселое место и так, а тут еще Сыч говорит, что кровью воняет. Оруженосцы кусты ломают, ветки сухие ищут, и тут Увалень сказал:

– Матерь святая заступница, нога!

Негромко сказал, но вокруг так тихо было, что все услышали. Повернулись к нему, Максимилиан тоже перестал ветку ломать.

– Нога, говорю, вот она, – продолжал Увалень, глядя вниз и медленно отходя от куста.

Все замерли, как остекленели. Кроме кавалера.

– Где?! – рявкнул Волков, чтобы своих людей в чувство привести. – Где нога?

Все: и Сыч, и Максимилиан, и Увалень – вздрогнули от его окрика. А он только обозлился от их робости и сказал еще громче и еще злее:

– Покажи, где нога, ну!

– Так вот она. – Увалень стал веткой выскрести ногу из-под куста, пока не вытащил ее на открытое место.

Кавалер подъехал на пару шагов ближе. Волков не раз видел отрубленные ноги. Эта была не отрубленная. Он не мог сказать, как ее отделили от человека в районе колена, по суставу, но точно не отрубили.

– Ну, чего застыли-то? – снова заговорил он, рассмотрев ногу. – Давайте уже зайдем в дом.

Пришлось ему самому слезать с лошади. Сыч достал огниво и разжег пучок сухих веток, что собрали оруженосцы. Волков забрал у него огонь и подошел к двери лачуги. Да, острый запах, который не с чем не спутаешь, так и ударил в нос. Кровища, как сказал Сыч.

Волков поднял быстро прогорающий факел из сухих прутьев повыше. Домишко был скуден. В глаза сразу бросилась постель из глины, заваленная старыми козьими шкурами, над ней образа да распятие. На постели Писание лежит. Еще очаг с висящим над ним котлом. Все самодельное, грубое, сделанное без искусства. А вот стол был хорош, крепок и велик, на четверть дома. Сыч, вошедший за кавалером следом, тут же нашел на нем среди посуды лампу, зажег ее и выругался, увидав то, что Волков уже видел:

– Дьявол, это что, монах наш?

– Ну а кто еще? – ответил кавалер.

На большом и крепком столе стояла огромная клетка из крепких кованых прутьев. С дверцей, с петлями для замка. Была она похожа на те клетки, в которых держат птиц, только в эту клетку легко вместился бы вставший во весь рост взрослый человек, лечь бы он в ней не смог, только стоять или сидеть.

В клетке был монах, святой человек, отшельник. Сидел, привалившись к прутьям. Голова запрокинута, лицо блее бумаги с серым оттенком. Глаза открыты, смотрят в закопченный потолок. Дверь клетки заперта. Замок висит. Но все-все вокруг залито кровью. И одежда его грубая, и стол, и пол. Кровь уже запеклась давно, стала черной.

– Не уберегла его клетушка-то, – сказал Сыч, поднося лампу поближе.

Да, не уберегла. На полу рядом со столом лежала рука, оторванная в локте. Ее, так же как и ногу, не резали, не рубили – рвали ее, отрывая от человека, рвали с хрустом, кости в локте в крошево превращая.

– Грыз его зверь. – Фриц Ламме присел на корточки и стал рассматривать руку, а затем полез под стол и достал оттуда еще один кровавый обрубок. – Вот, значит, и вторая. Он монаха за руки ловил, через клетку вытягивал и отгрызал. Не приведи Господи такой конец, вот уж натерпелся святой человек. Уж лучше четвертование, там хоть топор острый.

– А вторая нога есть у него? – из дверей спросил Увалень.

– Вы бы там свет не закрывали. Отойдите с прохода, – велел Сыч ему и Максимилиану, – и так ничего не видно.

– Максимилиан, езжайте в деревню, возьмите телегу и четверых солдат, скажите, что заплачу, но о том, что за дело, не говорите, – распорядился Волков. – И попа какого-нибудь захватите, чтобы отшельника схоронить.

– Да, кавалер, – сказал юноша и ушел.

– А вот и вторая нога, – нашел ногу Сыч. Та была в клетке, монах на ней сидел, но нога тоже оказалась почти оторвана. – И ключ вот. Да, не уберегла клетушка святого человека. Видно, тутошний зверек посильнее его святости оказался. Не совладал, значит, монашек.

Фриц Ламме говорил все это, не выпуская лампы из руки, не переставая заглядывать под стол, рассматривать клетку и убиенного. Он все высматривал и выискивал что-то.

– Ну? – спросил у него кавалер. – Чего ищешь-то?

– Думал, хоть клочок шерсти оставит зверюга. Ничего нет. Надо собачек сюда.

– Не берут его след собаки. Сам же видел, хвосты поджимают и под копыта конские лезут, даже не тявкают.

– Это да, – задумчиво кивал Сыч, разглядывая мертвеца. – Это да. Боятся его, а чего же не боятся, вон каков. Интересно, сколько тут этот сидит, дня три?

Волков мертвяков на своем веку повидал достаточно.

– Да нет. День, может, два, не больше. Кровь еще воняет, а гнили нет.

– День-два? Значит, совсем немного не успели мы, – размышлял Сыч, все еще разглядывая лачугу.

Он стал копать в вещах монаха, рыскать по помещению, заглядывать в углы.

– Ну, и на кого думаешь?

– На того же, на кого и вы, экселенц.

– На барона?

– На него, на него. Неплохо бы в замке у него посмотреть.

– Звал он меня. Как раз в тот день я его у кузнеца встретил, тогда я и сказал ему, что к монаху собираюсь, что монах мне про зверя что-то сказать хотел.

– Вот, вот оно все и складывается, – говорил Фриц Ламме. – Может, напишете ему, что согласны в гости наведаться. Напроситесь, а я с вами. Посмотрю, что там да как.

– Потом ты там разнюхивать будешь, а тебя заметят, так нас с тобой из этого замка живыми не выпустят или, как этого монаха, по кускам разнесут, раскидают по округе.

Сыч покосился на него.

– Или ты думаешь, что барон нас выпустит, если прознает, что мы к нему шпионить приехали?

– Да, – продолжал Сыч задумчиво, – не выпустит. Монаха, святого человека, и того порвал, а уж с нами церемониться и подавно не станет. Полагаю, что и людишки его про это знают, не могут не знать, что он зверь. Ну, если мы, конечно, думаем на барона правильно.

– Может, епископу про то сказать? – предложил Волков.

– Это можно, но сказать нужно только, что думаем на него, а другого у нас ничего нет, кроме думок. Вот если бы человечешку его какого-нибудь из близких схватить да заставить его говорить... Вот это вышло бы дело. Тогда и в инквизицию можно писать.

Это была хорошая мысль. Вот только как схватить человека, что входит в ближний круг барона? Задача.

Они погасили лампу, вышли из хибары, сели на склоне холма. Стали говорить и думать. Любопытствующий Увалень устроился неподалеку. Они проговорили, пока из Эшбахта Максимилиан телегу не привел. С телегой были четверо солдат и брат Семион. Максимилиан додумался съестного взять, умный был юноша. Пока Волков, Сыч и Увалень ели, Максимилиан делом руководил. Сыч пошел в хибару помогать.

– Отшельника тут похороним? – спросил у брата Семиона кавалер.

– Да что вы, нет! – Монах даже испугался. – Неразумно это будет. Прах отшельника, невинно убиенного сатанинским детищем, – это же ценность большая, повезем в Эшбахт, похороним рядом с храмом, обязательно часовенку соорудим над могилкой. Храм его именем назовем, испросим дозволения причислить его к лику святых. Если епископ похлопочет, а архиепископ согласится, то у вас в Эшбахте свой святой будет. Пусть даже местный, но почитаемый. Кто из здешних сеньоров таким похвастается?

Волков подумал, что это мысль хорошая. Молодец монах, голова у него умная, жаль, что на вино, деньги и баб падок.

Из лачуги клетку железную вынесли. Достали из нее останки отшельника, завернули их в рогожи, гроба-то не было, собрали руки-ноги, положили туда же. Брат Семион читал молитвы над останками и рассказывал, что солдатам воздастся благодати за то, что к мощам отшельника прикасались. И так убедительно он это говорил, что даже Увалень подержал руку на оторванной ноге, которую сам же и нашел. Посмотрев на него, и Максимилиан тоже не устоял. А вот Сыч как зашел в лачугу, так оттуда и не выходил. И, кажется, благодать его не интересовала. Волков-то знал, что он там делает. Когда клетку погрузили на телегу, Фриц Ламме как раз и вышел из дома, лицо его было подозрительным и хитрым. И при этом он делал вид, будто ничего не произошло. Волков уже к коню шел, но остановил Сыча:

– Нашел?

– Что нашел? – удивлялся Сыч, опять корча невинную морду.

– Нашел, говорю? – уже с угрозой повторил кавалер.

– Ну, нашел, – вздохнул Сыч.

– Золото есть?

– Не-ет... – Фриц Ламме достал из-за пояса тряпицу, развернул ее. – Нищий он был, и вправду святой человек.

На тряпке лежали несколько талеров и немного мелкого серебра. Не набралось бы и на десять монет.

– Расплатишься с солдатами, – велел Волков и сел на коня.

– Расплачусь, кавалер, конечно, – заверил его Фриц Ламме.

Приехали в Эшбахт поздно, когда совсем стемнело. Элеонора Августа уже ушла в новую опочивальню. Да и слава богу, все равно она не могла принимать мужа. И муж, поев на ночь как следует, пошел не в свои покои сразу, к жене, а к госпоже Ланге, которая не спала еще.

* * *

Уж если Господь и решает проверить у кого-то силу веры, так проверяет как следует. Мало было Волкову горцев, мало герцога, мало оборотня, что рыскает по окрестностям, и мало пустого чрева жены.

Так послал он еще ему и соперника. Претендента на лоно жены его, к которому сама жена была благосклоннее, чем к мужу. Когда кавалер сидел с монахом и диктовал тому на бумагу, что надобно купить в городе для нового дома, пришла госпожа Ланге и зашептала Волкову в ухо так, что ему тепло и приятно стало от ее дыхания:

– Снова она ему письмо отписала, снова жалуется на вас. Хочет, чтобы я в поместье папеньки ее ехала, то письмо возлюбленному передала.

Бригитт сказала «возлюбленному». Возлюбленному! Кавалера едва не вывернуло наизнанку от этого слова. Специально дрянь рыжая так говорила. Волков знал, что специально. Словно уколоть его хотела. Он даже позабыл, что диктовал монаху и что вообще делал.

А она смотрит своими зелеными, словно июльская трава, глазами как ни в чем не бывало. И ждет, что он скажет. А ему нечего сказать, он не знает, что делать. И тогда Бригитт прошептала:

– Господин, пока не убьете вы его, так и не прекратится это.

– Что? – растерянно спросил он.

– Убить его надо, иначе так и будет она его поминать, – прошептала госпожа Ланге. – И отдаваться ему, как только случай представится, как только вы отвернетесь.

«Возлюбленный», «отдаваться ему» – самые мерзкие слова для него выбирает. Да она взбесить его надумала, не иначе.

И сморит на Волкова своими красивыми глазами, как будто не о смерти человека говорит, а о каплуне, что в суп разделать собираются. И лицо ее красивое с веснушками спокойно, и локоны рыжие из-под чепца выбиваются. И весь ее вид, как у ангела, говорит о чистоте и спокойствии.

– И как же мне его убить? Вызвать на поединок? – наконец спросил Волков у Бригитт тихо.

– К чему глупости такие, – продолжила Бригитт, и тон ее такой, что она уже, кажется, все придумала. – Скажу я ему, будто вы опять войну затеваете и что Элеонора Августа будет его ждать в поместье.

Волков молча ее слушал.

– А вы его на дороге с верными людьми встретите да убьете, вот и дело с концом. Места у нас тут страшные, глухие, говорят, зверь сатанинский лютует, кто его хватится? Да никто, – говорила Бригитт все так же близко от уха господина.

– Неужто поверит он? – сомневается Волков.

– А чему он не поверит? Тому, что вы войну затеваете? Так о вас только и говорят, что вы без войны жить не можете. Или тому, что госпожа его ждет, глаза проплакала? Так он об этом из ее письма узнает. – Она показала бумагу. – Вот тут все написано. А все остальное я ему наговорю, в моих словах он не усомнится, уж поверьте.

Волков снова посмотрел в лицо ее. Нет, ничего ужасного нет, чистый ангел. Красивая женщина. И подвоха он в ее словах не чувствует. К чему ей-то все это?

– Видно, не любите вы жену мою? – вдруг догадался Волков.

И вот тут-то лицо ангела изменилось. Глаза колючие, губы в нитку вытянулись, и отвечала она холодно:

– А с чего бы мне любить ее, с чего? Мать моя, между прочим, родная сестра отца ее. Я кузина ей, а она меня едва в горничных не держит. Бывало такое, что и горшок ночной заставляла выносить, и при людях из-за стола меня выгоняла, чтобы место мое рядом с ней другому отдать! – Волков вдруг увидел такую женщину, которую до сих пор в ней не замечал. – Ну, господин, вам решать, скажете, так я все устрою. Нет – так забудем про разговор этот.

Кавалер молчал.

– Только знайте, что не кончится ваша мука никогда, пока любовничек ее жив. Так и будете думать, чьи это дети рядом с вами. До конца дней будете о том гадать, – госпожа Ланге так выговаривала эти слова, словно щипала и проворачивала, словно вкручивала в него обиды и страхи, словно специально пыталась его разозлить обидными словами.

И пусть кавалер вида не показывал, лицо его было как камень, но слова эти его ранили не хуже арбалетных болтов. И Бригитт это видела по белым костяшкам его пальцев, которыми он вцепился в край стола. Видела и знала, что он примет ее помощь.

Глава 15

Может, и права была Бригитт в каждом слове своем, может, и стоило последовать ее совету, но кавалер не торопился соглашаться. Он не любил принимать важные решения не подумав. Сначала сомнение. Отчего вдруг Бригитт так старается? Дело затевает нешуточное. К чему это ей? Как там ни крути, а фон Шауберг придворный поэт графа. Да и знакомец ее старинный, близкий друг ее госпожи и подруги, и вдруг на тебе – убейте его, господин.

– К чему вам это? – наконец спросил он.

– При доме вашем хочу быть полезна вам и место при вас занимать достойное хочу, – твердо ответила женщина. Так твердо, что не каждый муж такую твердость имеет.

– Место достойное? – переспросил Волков. – Это место моей жены.

– Значит, второе достойное место, после вашей жены, – ничуть не смутилась Бригитт. – Дайте мне список, что вы с монахом написали, я поеду в город, все куплю, на обратном пути завезу письмо вашей жены фон Шаубергу.

– Я еще ничего не решил.

– И не нужно, раз думать хотите, так думайте, а письмо я все равно должна отвезти. Давайте список и деньги. И пусть со мной кто-либо из ваших людей поедет для надежности, – твердо говорила госпожа Ланге.

Да, сумма на покупки выходила немалая, сопровождающий требовался.

– Деньги дам, найдите Ёгана, пусть вам четыре подводы выделит с мужиками, возьмете монаха и Увальня. Езжайте в город, купите все, потом заедете к графу, отдадите... – он запнулся, не смог выговорить этого имени, – отдадите этому господину письмо. Дождетесь ответа, ответ прежде мне покажете, жене сразу не отдавайте. А уже потом я решу, как быть дальше.

Госпожа Ланге встала с лавки, чуть подобрав юбки, церемонно сделала книксен и поклонилась, потом заговорщически огляделась, не видит ли ее кто, и, пока монах смотрел в бумаги,

быстро и не робея, словно она его жена, обняла за шею и поцеловала в висок. И пошла, улыбаясь, на двор.

Прибежал мальчишка – Максимилиан прозевал его, – он к господину подбежал:

– Господин, поп вас зовет.

– Это куда еще он меня зовет? – спрашивал Волков, в последний раз с братом Ипполитом проверяя список того, что надобно купить в новый дом.

– Поп на похороны зовет.

– На похороны?

Теперь и брат Ипполит смотрел на мальчишку.

– А что, хоронят его уже? – спросила Мария, прекратив хлопотать у очага. Кажется, даже как-то с испугом.

Никогда она не лезла в разговоры господина, а тут вон – вставила свое.

– Так кого хоронят-то?

– Да как же, – закричал мальчишка, – святого человека хоронят, отшельника! Невинно убиенного, которого адский зверь погрыз.

Мария тут же дела свои прекратила и, не спросив дозволения, быстро пошла из дома, поправляя на себе чепец и юбки.

– Поп вас просит быть, говорит, господин запомнил, видно, беги, говорит, зови его, – продолжал мальчик возбужденно.

– Хорошо-хорошо, иду. – Волков встал. – Монах, позови госпожу Эшбахта. Может, хоть это ей интересно будет.

На северном въезде в Эшбахт собрался народ. Много было людей, человек двести, солдаты и местные, купцы и девки из трактира, офицеры прибыли с женами, у кого они были. На пригорке у дороги уже выкопали могилу, принесли большой крест.

Волков на коне приехал, пешком далеко было идти, хотя и не очень далеко, просто не хотелось ему хромать у всех на виду. А жена с госпожой Ланге шли пешком, пройти им хотелось.

Брат Семион, как зачинщик, был деловит и расторопен. Вид серьезный, ряса свежестыранная, сам выбрит. Останки святого человека лежали на лавке, накрытой рогожей, тут же руки его и ноги, чтобы каждый сам мог убедиться, что отшельник растерзан зверем адским и никак иначе.

Мужики, солдаты, дети подходили смотреть, дивились, ужасались, крестились. Бабы и девки тоже подходили, но не задерживались, рты зажимали, слезы лили, отходили подальше. Все шло хорошо, все присутствующие проникались святостью случая. Жены офицеров, госпожа Брюнхвальд и госпожа Рене кланялись госпоже Эшбахта и госпоже Ланге, все вместе, в сопровождении брата Семиона и брата Ипполита, шли смотреть убиенного. А Волков, его оруженосцы, рыцарь фон Клаузевиц, все офицеры, все взятые в учение господина городские, а также Ёган и Сыч следовали уже за дамами.

Все было церемонно, недоставало только церкви с колоколами. Почти все женщины плакали, а мужи держались печально.

– Ах, как все хорошо идет, – шептал брат Семион Волкову, – будет в Эшбахте свой святой, я прямо сердцем чувствую, что будет.

– Да ты уж расстарайся, – шептал Волков в ответ.

– Вы тоже, господин. Без содействия архиепископа то невозможно, а вам архиепископ благоволит, так вы уж ему отпишите.

– Отпишу, ты скажи только, что писать.

Монах кивнул и пошел. Он зашел на холм и своим хорошо поставленным голосом стал говорить всем о благодати и святости отшельника, рассказывать, как «благодать его костию в горле зверином стояла у сатаны, не вынес святости отшельника сатана и послал пса своего к

нему». Хорошо рассказывал. Уж что умел брат Семион, то умел. Говорил он так, что простой человек слушал его, рот раззявив.

Потом поп стал молитву заупокойную читать. Брат Ипполит ему вторил и переводил, чтобы простые люди тоже понятие имели, о чем молитва.

Потом стали останки в гроб класть, гроб забивать, его закапывать и водружать крест над могилой. Хорошо получилось: большой крест на пригорке издали видно было.

После Волков, хоть и жалел денег, позвал к себе хозяина трактира и велел:

– Поминки устрой, я оплачу.

– Всем, кто пожелает? И мужикам, и солдатам?

– Да.

– Чем угощать?

– Кусок сыра или колбасы, кружку пива. Девкам и детям пряники или конфету сахарную, молоко, воду на меду.

– Только вот пряников и конфет у меня нет, – сказал трактирщик. – Все другое исполню.

– За пряниками отправь, пусть хоть завтра, но будут.

– Исполню, господин, – обещал трактирщик и уже, кажется, прибыль в уме считал. Ему хоть на поминках, хоть на свадьбах – все одно, лишь бы прибыль вышла.

– Ты на большую мзду не рассчитывай, – прервал его сладкие мысли кавалер, – цены я знаю, лишнего не дам.

– Я на этом деле мзды и не ищу, понимаю, что дело святое, – заверил трактирщик.

Когда Волков поговорил с трактирщиком, вокруг него собрались все видные люди Эшбахта.

– Кавалер, – начал Рене как самый старший, – брат Семион сказал, что вы желаете часовню святому человеку ставить.

– Думал о том, – отвечал Волков.

– Может, согласитесь вы и на наше участие, мы тоже все по мере сил хотим на строительство часовни положить денег.

– Да разве может господин Эшбахта в том кому противиться? – отвечал за Волкова вездесущий брат Семион. – Каждый пусть по силам своим внесет. Вот тут архитектор наш, он покажет картинку часовни и скажет, сколько серебра надобно будет на нее.

Молодой архитектор тут же кланялся всем и говорил:

– В святом деле ничего себе иметь не хочу, только за материалы и работы посчитаю.

Все кивали ему и улыбались, все чувствовали свою сопричастность к хорошему и добром делу, радовались, когда и другие такое же ощущали. Кажется, первый раз за все время и госпожа Эшбахта не была недовольна, а со всеми держалась мило, даже прослезилась от жалости к бедному отшельнику.

Волков же слез не лил, не по чину. Помимо всех остальных тяжелых дум теперь еще одна не будет давать ему покоя: как покарать убийцу святого человека? Но об этом он попозже подумает, а пока кавалер, оглядывая первых людей Эшбахта, говорил:

– Господа, приглашаю вас всех быть к ужину, помянем святого человека. Пока в старом доме поминки устроим: в новом еще мебели нет.

Гости собрались к ужину, и столько их всех было, что едва большого стола хватило, чтобы все уселись.

Волков смотрел на них и думал о том, что хорошие у него люди. Рене уже родственник, на него можно положиться. Брюнхвальд строгий и всегда готов на просьбу любую откликнуться, он словно ждет случая, чтобы Волкову помочь. Бертъе веселый и храбрый, Максимилиан ответственный и всегда готов к походу, Увалень сильный и, скорее всего, будет очень преданным. Роха, кажется, здесь, в Эшбахте, пить меньше стал, как стал ротмистром, так трезвый ходит и много занимается своими стрелками. Порох и пули изводит бочками. Брат Семион хитроум-

ный, ума палата, жаль, что не всегда он в этой палате проживает. Честный и тоже умный брат Ипполит вечно при книгах и при бумагах, если не лечит кого-то. И новые господа: кавалер фон Клаузевиц, юные господа Фейлинги – все они, кажется, приехали к нему воевать. И думал Волков с сожалением, что повоевать им удастся. Последними за столом сидели Ёган, Сыч и архитектор. Ну, без первых двух вообще никуда. Сыч – глаза его, уши и палач, как без такого. Другой бы господин и близко не пустил Фрица Ламме за стол, но Волков не таков: у кавалера ума было больше, чем спеси и гордыни. Хоть и противен Сыч порой, хоть и грязен иногда или пьян, но польза от него большая. А раз так, то и за одним столом с господами сидеть достоин. Ёган... Брат Ипполит говорит, что Ёган очень старается в освоении грамоты. Когда только успевает? Целыми днями по хозяйству хлопочет. Без него кавалер не знал бы, что с имением делать. Он, впрочем, и сейчас не знает. Пропади Ёган, так зарастет все бурьяном опять. И архитектор тут же был, с Ёганом сидел рядом. Имени его Волков не помнил, но пусть тоже за столом присутствует, полезный человек.

Долго не сидели. Не будь тут женщин, так все пили бы без остановки и допьяна, орали бы тосты и песни, и Бертге, не добежав до нужника, опять мочился бы с крыльца, но в присутствии госпожи Эшбахта, госпожи Рене, госпожи Брюнхвальд и госпожи Ланге веселья из поминок не вышло, разошлись все трезвые и благочинные. Даже такие пьяницы, как Роха, Сыч и брат Семион, трезвы остались.

Глава 16

На рассвете обоз из четырех телег выдвинулся в Мален, была при нем госпожа Ланге, ехала она как старшая, деньги на покупки кавалер доверил ей. С нею монах брат Ипполит для ведения счета и записи. Часть мебели пришлось бы на заказ делать, все требовалось записать, чтобы не забыть, у кого и что купили. Охраной поехал Александр Гроссшвулле, был он своею миссией горд. А с ним еще и брат Семион, направлявшийся к епископу хлопотать о присвоении статуса святого убиенному отшельнику.

Волков вышел поглядеть, как они уезжают, и увидел свою жену там же. Госпожа Эшбахта шепталась с госпожой Ланге, лицо Элеоноры было серьезно, Бригитт ее внимательно слушала, и кавалер от них взгляда не отрывал. А потом Бригитт увидела, что Волков на них смотрит, и, кажется, сказала о том Элеоноре Августе. Жена взглянула на него нехорошо и, видно, разговор свой прекратила, стала госпожу Ланге целовать в щеки и крестить на дорогу.

Когда обоз уехал, а Элеонора Августа пошла в дом и проходила мимо мужа, Волков спросил ее:

– И что же вы пожелали госпоже Ланге в дорогу?

– Ах, то все мелочи, сказала ей, что мне в городе купить, – ответила госпожа, даже не остановившись.

Она пошла в дом, там все еще царил суеет переезда. А Волков так и смотрел жене вслед, разминая больную шею. Окажись госпожа чуть поумнее, увидев его взгляд тяжелый, задумалась бы, но Элеонора Августа была не большого ума, спесь родовая весь ее ум затмевала, и шла она в дом свой, не заметив тяжелого взгляда мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.